

Нэнси
Спрингер

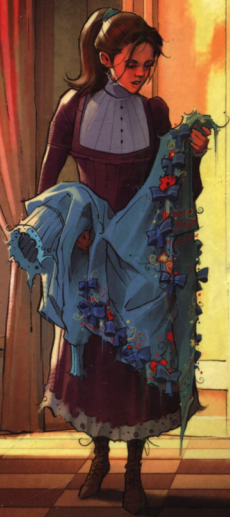
ЭНОЛА ХОЛМС ЛЕДИ С ЛАМПОЙ

ЭНОЛА ХОЛМС

ЭНОЛА ХОЛМС

 Леди с Лампой

.....
НЭНСИ СПРИНГЕР
.....

Меня зовут Энола Холмс. Вы наверняка читали о приключениях моего старшего брата Шерлока Холмса. Я тоже распутываю загадки и ищу потерянное, но оказалось, я умею замечать мелочи, которыми пренебрегает мой брат. Мелочи, принадлежащие миру женщин и уже не раз приводившие меня к успеху в расследованиях.
И это моё тайное оружие.

Синие банты оказались украшены вышивкой – милой, но безвкусной. Два вида цветов и листики между ними, вышитые в случайном порядке, без всякой логики. И всё же это важнейшая улика в деле о похищении. Энола Холмс теперь абсолютно уверена: пожилую женщину украли именно из-за этих бантов. Но что же скрывает этот узор? Неужели это... шифр? Весьма остроумный способ скрытно передать послание, вот только кому и от кого?

КНИГИ СЕРИИ ДВАЖДЫ НАГРАЖДЕНЫ ПРЕМИЕЙ
ИМЕНИ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО
ЗА ЛУЧШИЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ!

ISBN 978-5-04-100335-7

9 785041 003357 >

ЭНОЛА
ХОЛМС

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

**1. Энола Холмс
и маркиз в мышеловке**

**2. Энола Холмс
и секрет серой печати**

**3. Энола Холмс
и таинственные букеты**

**4. Энола Холмс
и загадка розового веера**

**5. Энола Холмс
и Леди с Лампой**

**6. Энола Холмс
и зловещие знаки**

НЭНСИ СПРИНГЕР

ЭНОЛА ХОЛМС

и
Леди с Лампой

Москва
2022

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
С74

Nancy Springer
ENOLA HOLMES MYSTERY #5:
THE CASE OF THE CRYPTIC CRINOLINE

Copyright © Nancy Springer, 2009

Иллюстрация на обложке *Алексея Вайнера*

Спрингер, Нэнси.

С74 Энола Холмс и Леди с Лампой : повесть / Нэнси Спрингер ; [пер. с англ. А. Тихоновой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-100335-7

Энола Холмс еще не оказывалась в настолько запутанной ситуации. Ей одновременно надо раскрыть секрет леди, на долгие годы затворившейся в своей спальне, найти похитителя пожилой владелицы пансиона, разгадать тайну сына умершего лорда — а еще понять, что связало всех этих людей тридцать с лишним лет назад. И ключом ко всему является вышивка на старом синем платье...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100335-7

© Тихонова А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается моей матери —
Хэнси Спрингер*

Скутари¹, Турция

1855

*(Впечатлительный
читатель может сразу
перейти к первой главе)*

НА ВЕРШИНЕ ХОЛМА У ГАВАНИ СТОИТ огромная квадратная постройка — прежде служившая казармой для турецкой армии, сейчас она стала адом на земле. Вонь плавающих в море распухших трупов — коровьих, лошадиных, человеческих — и близко несравнима с вонью в этом громадном каменном кубе. На жестком полу лежат плечом к плечу раненые, больные, умирающие, по большей части молодые английские солдаты, а соломенных тюфяков и тонких одеял

¹ Сейчас носит название Ускюдар.

хватает далеко не на всех. В аду относительно тихо: несчастные не производят почти никаких звуков — настолько велико отчаяние этих беспомощных, слабых пациентов, жизни которых тысячами уносят инфекции, гангрена и холера.

Один из них, уже без чувств, без надежды пережить эту ночь — юноша всего лет двадцати. Над ним склоняется испуганная девушка, еще моложе его, с которой они женаты меньше года и которая пришла с ним в эти кошмарные места. Многие жены отправились на войну за своими мужьями с младенцами на руках, поскольку солдаты не могли посылать домой конверты с жалованьем и оставшиеся без кормильцев семьи погибли бы от голода.

Однако большинство все равно голодали.

Девушка, подобно всем нежным душам, которым не посчастливилось

оказаться сейчас в Скутари, хранит печальное молчание и дрожит всем телом — ведь ей пришлось увидеть слишком много смертей и она понимает, что может умереть и сама, а на то, чтобы сохранить новую жизнь, которая теплится в ее худом теле, почти и не надеется.

Поодаль от нее стоит сестра милосердия в бесформенном сером балахоне и чепце и промывает уголки глаз одного из солдат, затянутые ослизлой коркой. Она недавно прибыла из Англии вместе с небольшой группой решительно настроенных медсестер, которые надеялись улучшить условия в полевых госпиталях, и им это отчасти удавалось. Они отчищали грязные полы, отмывали от грязи тела, кипятком выводили вшей из одеял. Солдат с заражением в глазах, вполне возможно, ослепнет, но все же ему впору считать себя человеком

везучим, поскольку живыми из тех, кто приезжает в Скутари, домой возвращаются меньше половины.

— Больше глаза руками не трогайте, — наставляет его сестра. — Не важно, как сильно хочется их потерять. Так вы занесете в них заразу.

Тем временем другая сестра делает обход. Это стройная дама с аристократичными чертами, и она держит переносную лампу: ведь за окном уже сгущаются сумерки. Ее симметричное овальное лицо излучает доброту и удивительную безмятежность. Гладкие волосы с аккуратным пробором посередине походят на два коричневых крыла, сложенных под белым кружевным чепцом с завязанными под подбородком лентами. Идет она медленно, останавливаясь почти у каждого тюфяка и нежным, мелодичным голосом обращаясь к больным:

— Хиггинс, письмо вашей матери отправили... Нет-нет, благодарить не за что. О'Рейлли, вы сегодня ели? Прекрасно. Завтра у меня для вас найдется одеяло. Вы взяли новую мочалку, Уолтерс? — Она задерживается у сестры, которая ухаживает за теряющим зрение пациентом. — Хорошо. Теперь возвращайся к себе. Уже темнеет.

Сестра уходит, и Леди с Лампой движется дальше, но вновь останавливается — на этот раз подле дрожащей девушки, сгорбившейся над лежащим без сознания мужем.

Дама смотрит на него, ставит на пол лампу и сама опускается на холодный каменный пол. Она кладет себе на колени синие босые ноги солдата и начинает растирать их ладонями, вероятно в попытке немного согреть.

— Это все, что я могу для него сделать, — говорит она, обращаясь к мол-

чаливой девушке с широко раскрытыми от ужаса глазами. — Тебе пора собираться ко сну, дитя. Можешь вернуться завтра с утра.

Бедняжка умоляюще смотрит на нее, не произнося ни слова.

Добрая сестра отвечает на эту немую мольбу, как если бы та была произнесена вслух:

— Знаю, дитя, ты не хочешь с ним расставаться, но по правилам ночью в госпитале не должно находиться ни одной женщины, а если мы не будем соблюдать правила, нас могут отправить на кухню или, того хуже, обратно в Англию. — Она говорит тихо, не повышая голоса, а ее узкое лицо не отражает ни усталости, ни сожаления, ни отчаяния и остается ангельски блаженным. — Тогда больные лишатся медсестер, которые о них заботятся хотя бы в течение дня.

Поэтому мы должны уйти. Понимаешь?

Сестра решает, что дитя все поняло — если, конечно, услышало ее слова. Хотя девушка не сдвинулась с места, в глазах ее не читалось сопротивления — лишь изнуряющая усталость.

— Идем. — Дама бережно опускает ноги умирающего на пол, берет свою лампу и поднимается. — Идем, я тебя провожу и освещу тебе дорогу.

Она протягивает девушке согретую теплом света руку, и та нерешительно ее принимает. Сестра помогает несчастной подняться на ноги, и на несколько секунд они обе, держась за руки, замирают над... пожалуй, можно сказать, что над телом.

Тонкие губы девушки шевелятся, и она неожиданно подает голос.

— Это мой муж, — беспомощно говорит она непонятно к чему.

— Знаю, милая, но все равно...

— Он человек хороший, — продолжает девушка, как будто не слушая добрую сестру. — Звать его Таппер. Томас Таппер. Должен же хоть кто-то окромя меня энтэ знать.

— Конечно, его должны помнить, — ласково заверяет ее Леди с Лампой. Те, кто вернулся из Скутари живым, позже воспевали ее тихий голос, приносящий больным и раненым блаженное умиротворение. — А теперь идем, миссис Томас Таппер.

Глава первая

— МИСС МЕСХОЛ, — СКАЗАЛА МИССИС Таппер, забирая мою пустую тарелку, — у вас найдется минутка посидеть да потолковать кой о чем?

Пожилая и глухая как пень хозяйка пансиона, в котором я обитала, завладела моим вниманием еще до того, как закончила фразу: во-первых, обычно она кричала, а на этот раз говорила тихо, а во-вторых, из-за того, что бедняжка была тут на ухо, мы редко заводили беседу и ее просьба была сама по себе довольно необычной. Признаюсь, предложение «потолковать» от нее поступа-

ло впервые. Чаще всего после скудного ужина — сейчас, к примеру, в сезоне был зеленый лук, и сегодня мне подали рыбно-луковый суп с хлебным пудингом — я кивала ей, выражая таким образом свою благодарность, и покидала столовую, чтобы подняться в свою комнату, запереться там, снять все побрякушки, подкладки и подушечки «мисс Месхол», со вздохом облегчения упасть в уютное мягкое кресло и положить ноги на пуфик.

— Мне б совет не помешал, — продолжила миссис Таппер, водружая глиняную супницу на плиту, как будто это была кастрюля. Остатки хлебного пудинга она бросила в помойное ведро — вместо того чтобы положить их в кошачью миску. Озадаченная тем, что же так встревожило мою хозяйку, я кивнула и жестом показала свою готовность ее выслушать.

— Давайте-ка присядем, — предложила миссис Таппер.

Я, разумеется, уже сидела — за кухонным столом, но мы переместились в другой угол комнаты, который служил «гостиной» — дом миссис Таппер был хоть и чистым, но невероятно тесным; там я опустилась в кресло, а миссис Таппер села на краешек небольшого грубого дивана и посмотрела на меня своими слезящимися серыми глазами.

— Не мое энтó дело, конечно, ну да я не могла не заметить, што вы не так-то просты, — сказала она, как бы объясняя, почему решилась поделиться своими тревогами со столь юной девушкой. — Не обычная девчонка, какой хотите казаться. И за попрошайку сойти можете, и за блахородную леди, и себя не жалеете — выходите в балахоне монашки...

Я не стала скрывать своего удивления; она не должна была этого знать. Если слухи дойдут до моих братьев, Майкрофта и Шерлока, они отыщут в Ист-Энде пансион, в котором я живу, и моя свобода окажется под угрозой.

Миссис Таппер, похоже, не заметила моего смятения:

— ...в ночь, помохаєте холодным да голодным, а хде деньги берете — ну, то Господь только знает. — Она подняла на меня взгляд — мало того что рост у моей хозяйки был небольшой, так она еще и горбилась от старости, и потому я казалась намного ее выше. — Добрая вы душа, мисс Месхол — ну или как там вас звать на самом деле...

— Энола Холмс, — невольно прошептала я. К счастью, миссис Таппер ничего не услышала и продолжила:

— ...и сильный вы человек, так што, надеюсь, сумеете мне помочь.

Не раз она помогала мне — лечила от простуды, выхаживала, обрабатывала синяки и раны. Заботилась обо мне после того, как на меня напал душитель. Приглядывала за мной как мать. Конечно, я не знала наверняка, как ведут себя любящие матери, но миссис Таппер заставляла меня есть кровяную колбасу на завтрак и спасала от меланхолии, что в моих глазах было проявлением материнской любви. Разумеется, я хотела ей помочь!

— Позвольте! — воскликнула я, подаваясь вперед. — Что же произошло?

Она достала из кармашка фартука конверт, очевидно доставленный утренней почтой, и протянула мне, кивнув и жестом показав, чтобы я его открыла и прочла содержимое, как будто это я была глухой, а не она.

Дневной свет из окна — которым миссис Таппер очень гордилась, поскольку

окна облагались налогом, — уже был довольно тусклым, но я с легкостью разобрала жирные печатные буквы, выведенные индийскими чернилами. Впервые мне приходилось видеть такой грубый размашистый почерк. Угловатый, с нажимом, с линиями, похожими на дубинки и рапиры, он четко был виден на плотной бумаге.

ПОЧТОВАЯ ГОЛУБКА С ПТИЧЬИМИ
МОЗГАМИ

НЕМЕДЛЕННО ДОСТАВЬ СВОЕ ПОСЛАНИЕ.
А НЕ ТО ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО ПОКИНУЛА
СКУТАРИ

Скутари?.. Я перечитала письмо, но ничего не поняла, кроме того, что оно содержит угрозу. Однако каким бы тревожным оно ни было, колючий почерк тревожил меня больше.

— Вам знакома эта рука? — спросила я.

— Ась? — миссис Таппер приставила рупор к уху.

— Почерк знакомый?! — завопила я, прекрасно осознавая бессмысленность вопроса. Анонимный автор непременно изменил бы свой почерк, если бы догадывался, что его узнают. Возможно, вырезал бы и наклеил буквы из газет, как делают злодеи в популярных сейчас рассказах.

— Э? Што он мой знакомый? Нет, откуда ж мне знать, кто итта.

Проклятье, ну почему нельзя ей написать! К сожалению, простой народ читал медленно и с трудом, и к миссис Таппер это тоже относится.

— По-черк! — повторила я.

— Впервые вижу. Што, не запомнила бы я, что ль, эдакие шипы? — Она всплеснула руками, выражая испуг и удивление. — Наверное, перепутал он што-то, письмо прислал не тому.

— Наверное, — с сомнением проговорила я. Все-таки «Таппер» не самая распространенная фамилия. Кроме миссис Таппер, я никого с такой и не знала. Точнее, она изначально принадлежала ее давно почившему супругу. Возможно, у него в Лондоне остались какие-то родственники?

— У мистера Таппера была родня?

— Ась? — она снова приложила рупор к уху.

— Мистер Таппер! — рявкнула я, подавшись вперед.

— Умер в Скутари. — Миссис Таппер обхватила себя руками, словно ее пробрал мороз, хотя стоял прекрасный майский вечер. — Лет тридцать пять тому. Никогда этого не забуду. Жуткое же было место. Как ад на земле.

Я снова опустилась в неудобное кресло и мысленно отчитала себя. Скутари. Ну конечно! Там располагался главный

британский лагерь в Турции во время Крымской войны.

— Мистер Таппер служил в армии? — спросила я.

— Ась?

Чтобы не терзать дальше любезного читателя всеми подробностями этой мучительной беседы, длившейся несколько часов, позвольте кратко пересказать историю, которую мне удалось вытянуть из миссис Таппер и которая в ее устах звучала более чем запутанно — что, впрочем, неудивительно, поскольку не было конфликта запутаннее, чем Крымская война, яркий пример человеческой глупости: Англия и Франция неожиданно взяли в союзники безбожную Османскую империю и, что еще более странно, пошли на гиганта, который уже находился при смерти, — Российскую империю. «Наше дело не гадать что к чему, наше дело — умирать за войну» — вот

каким был слоган обреченных солдат, бросающихся под пушечные выстрелы ради какого-то несчастного клочка земли в Черном море — Крымского полуострова, который в основном населяли гниды размером с пауков, жирные блохи и такие большие крысы, что от них в страхе убегали терьеры.

Однако, по объяснениям миссис Таппер, ее супруг отправился на Крымский полуостров на заработки — предлагать солдатам товары, которыми их не снабжали вороватые поставщики. Не задумываясь, он ухватился за возможность разбогатеть и поехал туда, захватив с собой свою невесту. Они тогда были совсем юными. Видели, как жены уезжают вслед за офицерами в каретах, полных слуг, серебра и тканей — словно на отдых. В самом деле, в то время армию сопровождали тысячи женщин, включая сестер милосердия, не подозре-

вая о том, что многие из них погибли вместе с солдатами.

Не от боевых ранений — от заразы.

— Крымская лихорадка, так она звалась, — объяснила миссис Таппер. — Бедный Томас с ней слег. Кровь из ушей шла, из глаз, из носа, изо рта. Я хотела ему помочь, дала монетку-другую местным попрошайкам, ну и они загрузили его в повозку и повезли нас — знаете, в большой такой госпиталь, там, в Скутари. — Она покачала головой, дивясь своей прежней наивности. — Я думала, врачи чего-нибудь сделают, сестры его на ноги поставят. Говорили, энто новые сестры какие-то, из Англии.

Как я выяснила впоследствии, английские сестры вынуждены были подчиняться строгим правилам армейских врачей, которые видели в них лишь помеху — бесполезных женщин, вторгшихся в мужские владения, или того хуже —

гражданских шпионок, присланных испортить им сладкую жизнь своими нелепыми попытками заботиться о рядовых солдатах. Накладывалось много запретов. К примеру, сестрам запрещалось находиться в госпитале после заката.

Поэтому тела умерших они выносили с утра.

Включая тело мистера Таппера.

— Я его в порядок привела как могла, в одеяло зашила, и они его бросили в одну братскую могилу с тридцатью другими несчастными, кто помер той ночью, — поведала мне миссис Таппер.

А пока она хоронила мужа, все его добро растащили воры военной поры. Торговая палатка, вьючные пони, товары — все рассеялось как дым. Ей не на что было вернуться в Англию, и она попала на самые нижние круги ада, известного как Скутари. Под казармами и госпиталем скрывался лабиринт

погребов. Там и нашла убежище миссис Таппер вместе с другими вдовами, осиротевшими детьми, старыми убогими слугами, которых бросили хозяева: одним словом — нищими, и она стала одной из них.

— И притом здоровье меня, так сказать, подводило.

К сожалению, вместо того чтобы развить эту любопытную мысль, миссис Таппер поднялась зажечь свечи. Поразительно, как легко она ходила, несмотря на свой почтенный возраст. Ей было, пожалуй, не меньше пятидесяти! Прежде чем снова сесть, она подошла к низкому буфету и взяла с него деревянную шкатулку, которая не раз притягивала мое внимание. Достав оттуда выцветшую фотографию, она протянула ее мне.

— Это наша с мистером Таппером свадьба, — объяснила она, пока я изучала молодых в абсурдных одеждах середины

века: жених — в широком, спадающем на грудь шейном платке, невеста — в огромной юбке, натянутой на кринолин и похожей на перевернутую миску. Моя добрая хозяйка ударилась в воспоминания и напрочь позабыла о грозном письме, которое побудило ее начать свой рассказ.

Желая вернуться к обсуждению жуткого послания, написанного черными чернилами, я закричала ей в рупор:

— Что вы должны доставить? Какое послание? Кому?

— Не знаю! — Миссис Таппер села и обхватила себя тощими руками. — Я думала-думала, но в голову ничего нейдет. Забыла, видать: дите же еще тогда потеряла...

Я похолодела от ужаса, и сердце у меня сжалось. Кто бы мог подумать! Моя милая старая хозяйка, которая целыми днями тушит бычьи хвосты и вяжет наволочки, в молодости побывала

в жестокой стране, лишилась мужа, и «здоровье ее подвело»...

Миссис Таппер, очевидно, заметила мое ошарашенное выражение лица.

— Мертвым родился, — объяснила она. — Ну и неудивительно: я же там голодала, ходила в обносках, спала на холодном полу, у нас даже кроватей не было — да и какой там сон, когда крысы все норуют кусок от тебя отхватить... — Она принялась раскачиваться взад-вперед, все еще обнимая себя руками. — Адское место, адское. С ума там сходили. Кто-то дите мое взял и в море кинул. Я думала, что и сама там помру, но меня это мало волновало — уж больно горе было большое.

— Как же вы спаслись? — прошептала я.

Тут мне не было нужды кричать ей в рупор — она и так все поняла по моему выражению лица.

— Была там английская сестра... Как же я так, много лет об ней не вспоминала? Об той сестре все тогда были наслышаны. Солдаты ее величали Леди с Лампой. Каждый день она как мать родная о всех них заботилась — а их там сотни лежали. И как нашла на меня время, уж я не знаю. — Водянистый взгляд миссис Таппер устремился куда-то вдаль. Как будто смотрела она не на меня, а на место из далекого прошлого. — Услыхала, может, што я не... — Сухое бледное лицо моей хозяйки залил легкий румянец. — Ну, вы понимаете, о чем я. Как другие... другие, кто со мной в погребах жил, они на все были готовы ради еды и монетки-другой, ну и я их не виню, не мое это дело, а сама бы ни за что... Наверное, из-за этого. Точно вам не скажу. В общем, подошел ко мне как-то один из бедных уродцев, которых она к себе

брала, и к ней позвал. Она в башне жила, высоко, а у меня и сил уж не было по лестнице карабкаться. Ну, поднялась кое-как, а там в комнате человек сто, все трещат о чем-то на французском, что ль, бегают кто с губками, кто с бинтами или пуговицами на рубашку, лимонами, йода пузырьком, свитерами вязаными и теплыми шапками, и бог знает с чем еще — это у нее там склад свой был.

— Как ее звали? — пробормотала я себе под нос, напрягая память. Дело в том, что и я слышала об этой выдающейся англичанке, но о Крымской войне знала унизительно мало. Мое образование в основном строилось на содержимом отцовской библиотеки и сводилось к чтению Сократа, Платона, Аристотеля и других классиков.

— Она проследила, чтоб меня помыли да покормили, — восхищенно

продолжала миссис Таппер, — одежду дала красивую, лучше той, в которой я замуж выходила, из своего кармана за мой билет домой заплатила. И любезно так со мной говорила, хотя я ничего, считай, понять не могла. Уже тогда была подглуховата, но ни слова никому об том не сказала: думала, само пройдет, што это из-за шума стрельбы в Севастополе — мы тогда с мистером Таппером везли бренди нашим солдатам, а на холме русские леди сидели, под зонтиками и с корзинками для пикника, наблюдали за сраженьем прям как за спектаклем.

Неужели я не ослышалась?! Она побывала и на поле боя?! Моя милая старая хозяйка?!

Даже не зная, что и думать, как дальше вести эту тяжелую беседу, я протянула ей загадочное письмо и закричала:

— Миссис Таппер, вы не...

— Не знаю! — перебила она меня и яростно помотала головой. — Не пойму, чего от меня хотят! Я там была никем!

Может, и никем, но человеком удивительно храбрым — и в то же время и правда всего лишь бедной вдовой, волею судьбы оказавшейся на войне. Кем же был ее загадочный враг и чего он — а судя по грубому, яростному почерку, это был именно «он» — от нее хотел? Тем более сейчас, тридцать четыре года спустя?

Я понимала, что мое любопытство, возможно, никогда не будет удовлетворено, однако считала себя обязанной по мере сил помочь моей милой хозяйке.

Глава вторая

КАК И ПОЛОЖЕНО БЛАГОРОДНОЙ ЮНОЙ леди, я обратилась за советом к человеку старше и мудрее меня, к достойному господину и моему начальнику — доктору Лесли Рагостину, ученому искателю.

Шутка. Доктора Рагостина я выдумала для прикрытия, чтобы свободно заниматься поисками потерянных вещей и пропавших людей. Весь следующий день, сидя за рабочим столом мисс Месхол, секретаря этого великого человека, я размышляла над таинственным делом миссис Таппер. Как же найти отправителя загадочного письма с угрозой?

По обычаю я первым делом составила список вопросов:

Почему она «почтовая голубка»? Потому что возвращалась домой как обученный голубь? Потому что от нее ждут некоего послания? «Голубь» — очень странное оскорбление.

Американцы называют тайных осведомителей голубями. Считать ли Анонима — назовем его так — американцем?

«Птичьи мозги» вместо «куриных» — тоже американизм?

Что за послание?

От кого?

Кому?

Как это касается Анонима? Чего он хочет — получить послание, перехватить, уничтожить?

Как он нашел миссис Таппер?

Был ли он с ней в Скутари?

Пользы это никакой не принесло. Я сильно сомневалась, что записка с угрозой пришла от американца. Америка никак не была замешана в Крымской войне; мало того — было что-то неуловимо европейское в колючем почерке Анонима, и чернила...

Я дополнила свой список:

**Индийские чернила — что это значит?
Ими пользуются для чернильных эски-
зов; возможно, Аноним художник?**

После этого я долго сидела, сверля взглядом лист с вопросами, пока не пришел мой помощник Джодди с утренними газетами и, поскольку на дворе стоял май, с букетиком сирени, который я попросила его принести, потому что мне нравился ее божественный аромат.

Меня так и не посетила ни одна дельная мысль, и все, чего я добилась, —

это составила и напечатала на пишущей машинке — самой новой модели, которую приобрела совсем недавно, — следующий текст для колонки объявлений в газете:

У ПОЧТОВОГО ГОЛУВЯ НЕТ
ПОСЛАНИЯ, ОН НЕ ЗНАЕТ
НИ О КАКОМ ПОСЛАНИИ, НИЧЕГО
НЕ МОЖЕТ ДОСТАВИТЬ. ДАЛЬНЕЙ-
ШИЕ РАССПРОСЫ ВЕССМЫСЛЕННЫ.
ПРОШУ ВОЛЬШЕ НЕ ПИСАТЬ.
МИССИС Т.

«Т», разумеется, означало «Таппер»; имени миссис Таппер я не знала.

Вернувшись в пансион, я с облегчением обнаружила, что она цела и невредима и стряпает на кухне очередной кулинарный ужас. Я показала ей листок с ответом и получила ее одобрение.

На следующий день я напечатала несколько копий, разнесла по всем издательствам Флит-стрит и понадеялась, что на этом все закончится.

Если бы.

Это была среда. «У почтового голубя нет послания...» появилось в утренних газетах в четверг. Тем же вечером, возвращаясь в ветхий пансион миссис Таппер, зажатый между другими домами в Ист-Энде, я думала только об ужине и гадала, не подадут ли мне что-нибудь хоть отдаленно съедобное. А когда поднялась на крыльцо, ожидала, что внутри меня встретит запах еды — тушеной селедки, куриной печени или более-менее аппетитного мяса... Но стоило мне открыть дверь, как все подобные мысли улетучились.

Все ящики были выдвинуты, стулья перевернуты, полки сняты, на дощатом полу валялись осколки посуды.

Пахло здесь только дымом сигар, китовым жиром, вытекающим из разбитой лампы, и страхом.

До меня донесся чей-то приглушенный крик.

— Помогите! — Это был женский голос, и я слышала жалобные всхлипы. — Помогите, пожалста!

У меня сжалось сердце. Что за бессердечный негодяй осмелился навредить милой глухой старушке!

И на что еще он способен?

Возможно ли, что он до сих пор где-то рядом?

Я достала кинжал, спрятанный у меня в корсете и прикрытый большой уродливой брошью, выпирающей между пуговицами, и с оружием в руках прошла в дом, опасливо оглядываясь по сторонам. Там я увидела связанную по рукам и ногам, с кляпом из кухонного полотенца...

...вовсе не миссис Таппер!

— Меня побили!

К стулу была привязана тощая девчушка лет двенадцати с заплаканным покрасневшим лицом, которое я узнала не сразу. А когда я разрезала веревки, она сама вынула кляп — и я поняла, что это Флорри, помощница миссис Таппер. Обычно она заканчивала все свои дела к тому времени, как я возвращалась с работы, и поэтому мы с ней виделись всего несколько раз.

Где же тогда миссис Таппер?

— Они меня трогали! — горько взвыла Флорри. Ясно было, что никакого толку от нее не добьешься. Живот у меня скрутило от ужаса. Где моя милая хозяйка — в обмороке, ранена, а может, даже... На первом этаже ее не было, поэтому я стиснула кинжал в кулаке и поспешила наверх, в ее спальню, оставив Флорри биться в истерике.

Там меня ждала похожая картина: кровать лежала на боку, содержимое шкафа и комода разбросано повсюду, полностью закрыв ковер. Сначала я даже подумала, что миссис Таппер погребена под этими горами простыней, одеял, обуви, юбок, шалей и нижнего белья. Отбросив кинжал в сторону, я принялась рыться в них подобно сумасшедшему барсуку, отбрасывая в стороны тряпки, дешевые газеты, домашние и выходные платья, лекарства от ревматизма, фартуки и... старый черный капор для воскресных прогулок?

Я взяла его в руки и посмотрела на нашитые к Пасхе новенькие ленты. В горле все еще стоял комок, но теперь я чувствовала себя немного спокойнее.

Если бы в доме еще оставались бандиты, они бы уже на меня напали, а Флорри давно бы сбежала — но с первого этажа еще доносились ее при-

читания. С этими мыслями я подняла с пола кинжал и убрала его в ножны.

После спальни миссис Таппер я проверила свою. Как ни странно, там ничего не тронули. Я заглянула в гардероб и под кровать, но миссис Таппер там не нашла, ни живую, ни — страшно подумать — мертвую.

Я помчалась вниз по лестнице. Флорри уже поднялась со стула, и ее стоны постепенно становились похожи на осмысленные фразы, хотя понимала я их все еще с трудом.

— Вот сволочи, бедные мои ножки! Ворвались сюда, нелюди... приличную девушку ударили! Дом весь разворотили...

— Где миссис Таппер? — перебила я ее.

— ...крысомордые псы, место им в канаве...

Я взяла служанку за плечи и едва сдержалась, чтобы не встряхнуть:

— Флорри. Где миссис Таппер?

— ...а она тесто месила, рукава закатаны, а они ей по холове, а холова в чепце...

Я не выдержала и принялась трясти бестолковую девчонку:

— Где миссис Таппер?!!

Она вырвалась и закричала на меня в ответ, как будто это я здесь была дубоголовой:

— Так я ж вам и 'оворю! Они ее забрали!

* * *

Всю историю целиком мне пришлось буквально вытаскивать из нее клещами, и на это ушел целый мучительный час. Флорри никак не успокаивалась, ласковые слова ее не трогали, и я пригрозила, что позову констебля. Она же не знала, что я никогда так не поступлю, поскольку сама скрываюсь от Скот-

ленд-Ярда и своих хитроумных братьев. Флорри, как и все жители Ист-Энда, до смерти боялась всего связанного с полицией и немедленно уселась на кухонный стул, готовая отвечать на мои вопросы.

— Одеты они были как жентельмены, а то я б их и не впустила, — сообщила она.

— Сколько их было? — спросила я, ставя чайник на плиту и оглядываясь в поисках хоть одной уцелевшей чашки. Если бы Флорри выпила чаю, она бы, вероятно, немного успокоилась и смогла более последовательно изложить все события.

— Два здоровяка, бородатых таких.

— Как они выглядели?

— Ну бороды у них были прям как у анархистов.

Вероятно, накладные. Я терпеливо продолжила расспросы:

— А кроме того? Какого цвета волосы?

Этого она не помнила.

— А рост?

Точно она сказать не могла. Ей они показались огромными.

— Сколько им примерно лет?

Один выглядел моложе другого, но не так чтобы сильно. И так далее. Бедная девочка ничего не соображала после пережитой травмы.

Я вполне ее понимала. Судя по всему, в дверь постучали двое бородатых незнакомцев, вежливо спросили, здесь ли живет миссис Таппер, а когда их впустили, резко сменили пластинку и стали требовать послание для Птицы.

— Что-что?

— Они все повторяли, мол, давайте што у вас есть для Птицы.

— Может, некоего мистера Титца?

— Нет-нет, просто «Птицы», так они сказали. Ревели ей прямо в рупор: «Мы знаем, што вы шпионили для Птицы!»

Загадочное письмо с угрозой, адресованное «почтовой голубке с птичьими мозгами», требовало от миссис Таппер доставить некое послание — возможно, она была птицей, обязанной отчитываться перед Птицей?

Звучало это нелепо, но все же перед глазами начинала вырисовываться картина. Если бы не эта деталь, мне сложно было бы поверить в сбивчивый рассказ служанки.

— Они все кричали: «Што у вас есть для Птицы?!» Она им твердила, што нечего ей сказать, а потом они ее стукнули...

Мерзавцы! Бедную старую миссис Таппер!

— ...и меня поколотили за то, што я вмешалась...

Флорри пыталась ее защитить?! Я немедленно оттаяла к доброй служанке.

— ...связали и пошли искать.

— Что искать?

— Не знаю, мисс, и миссис Таппер не знала. Она, бедняжка, так перепугалась, что аж заплакала.

— Звери, — пробормотала я себе под нос и поставила перед ней чашку с чаем.

— Да, мисс. Спасибо, мисс.

— Он без сахара, к сожалению. Сахар весь рассыпали, — объяснила я и принялась мерить шагами комнату. — Так эти подлецы нашли что искали?

Флорри отпила чаю и после небольшой паузы ответила:

— Откуда ж мне это знать, мисс Месхол?

Чтоб ее черти съели! Мне тут же захотелось отобрать у нее чашку. Пускай ее привязали к стулу и посадили спи-

ной к двери, чтобы она ничего не видела — но слышать-то она могла! Я взяла себя в руки и вежливо задала ей еще несколько вопросов. Наконец мне удалось выяснить, что один из злодеев сказал «возьмем старуху с собой, пусть он сам ее спросит».

Кто же этот «он», хотелось бы знать.

Очевидно, бандиты не отыскиали «послание для Птицы».

Дьявол, кем же были они сами?

Знала ли Флорри еще что-нибудь полезное?

Я присела рядом, чтобы не нависать над бедняжкой, и заново обо всем ее расспросила. К сожалению, больше ничего не удалось добиться, кроме одной новой детали — у старшего похитителя не хватало нескольких зубов. Из этого я заключила, что он происходит из низших слоев. Когда Флорри — какое дурацкое, но при этом удивительно

популярное имя, оно встречалось мне повсюду! — снова ударилась в слезы, я поняла, что допрос пора заканчивать.

— Хорошо, спасибо, Флорри. — Я протянула ей шиллинг. — Беги домой, расскажи обо всем матери. Пусть она поделится новостями с остальными. — Мама Флорри, местная прачка и уроженка Ирландии, славилась у нас в районе своим длинным языком и так или иначе распустила бы слухи по всему Ист-Энду. Я показала служанке фунтовую банкноту, намекая на будущее вознаграждение. — И пусть спросит, не видел ли кто, куда эти двое увезли миссис Таппер, и скажет, чтобы пришли ко мне и доложили, если им хоть что-то известно.

Флорри всхлипнула, кивнула и выбежала из пансиона.

Глава третья

Вскоре после того как ушла Флорри, я тоже отправилась на улицу, не сняв полосатого платья из поплина с рюшами, дурацкой шляпки, стеклянных зеленых клипсов и накладных кудрей: мисс Месхол на этой улице уже хорошо знали и не отказались бы с ней посплетничать, а я надеялась отыскать свидетелей возмутительного похищения.

Нашлось их целое множество, поскольку на эту узкую, вымощенную камнем улочку резко заезжали конные экипажи, а незваные гости миссис Таппер прибыли именно на этом виде транспор-

та. Разумеется, многие слоняющиеся по району бездельники его заметили.

«Слепой» попрошайка на углу по секрету мне сообщил, что какие-то чужаки приехали на блестящей двухместной карете черного цвета, запряженной гнедой лошастью и с тучным краснолицым кучером.

Торговец свечами сказал, что видел фаэтон с открытым верхом, гербом на двери, тощим непримечательным кучером и вороной кобылой — «прямо как на похоронах».

Его жена подтвердила, что на двери был изображен белый олень или единорог, но также добавила, что приезжало ландо, а не фаэтон, лошадь ей запомнилась гнедая, а кучер был крепкий, приземистый, с выдающимся подбородком.

Зеленщик описал черную двухместную карету с ярко-желтыми колесами и без герба, рыжую лошадь и высокого щека-

стого кучера с красным носом, очевидно пьяницу и, скорее всего, ирландца.

Продавец пудингов сказал, что перед домом миссис Таппер остановился захудалый серый экипаж с мускулистой темной кобылой, больше подходящей «для работы в поле», и кучером со сросшимися бровями, «густыми как щетка» и нависающими над носом подобно крыше.

«Ночная бабочка» с нашей улицы, которая не упускала возможности побыть и «дневною бабочкой», призналась, что обращалась к кучеру, пока он ждал своих пассажиров у дома миссис Таппер, и получила грубый отказ. Выглядел он обыкновенно — два глаза, рот, посередине нос. Сама карета была черная, с блестящими красными колесами, без герба и с чалой лошастью.

Маленькие бродяжки говорили кто что. Лошадь — черная, бурая, рыжая; экипаж — четырехколесный, ландо, фаз-

тон; кучер — низкий, высокий, толстый, тощий, старый, молодой. Сошлись они лишь в одном: кучер этот был ужасным скупцом и вместо того, чтобы бросить им монетку-другую, пригрозил кнутом.

Что касается пассажиров кеба/фаэтона/карыеты/ландо, то есть похитителей миссис Таппер, никто не видел, как они вошли в дом. Никто — повторяю, никто — не видел и того, как они вышли, как загрузили миссис Таппер в салон экипажа и куда поехали. Судя по всему, местных интересовало только эффектное появление, а отъезд не привлек их внимание. К концу моих расспросов я поняла, что, даже если кто-нибудь сейчас опишет их внешность, я не поверю ни единому слову.

Чуть не крича от отчаяния и разочарования, я вернулась в пансион — ждать новостей от Флорри и ее матери или письма от похитителей.

Время ужина давно прошло, однако мне было не до еды. Я даже не могла спокойно сидеть и ждать и вместо этого ходила взад-вперед по комнате на первом этаже, пиная осколки посуды, мешающие мне пройти, и размышляла. Два здоровяка, требующих послание. «Мы знаем, што вы шпионили для Птицы!» Миссис Таппер — шпионила?! Немыслимо!

Кто же, разрази его гром, такой этот «Птица»?!

Что за сообщение она якобы должна ему передать? Мое представление о происходящем казалось таким же размытым, как тусклое пламя свечи в полумраке ночи, медленно опускающейся на город.

Во что ввязалась бедная миссис Таппер? Невозможно, чтобы она намеренно скрывала какую-то информацию от двух бандитов угрожающего вида. Несмотря на все ее приключения на Крымском

полуострове, она не похожа на человека со склонностью к излишнему героизму. Если бы моя милая хозяйка знала, чего от нее хотят эти негодяи, непременно бы все им рассказала.

Так или иначе, они не нашли того, что искали: иначе зачем забрали миссис Таппер с собой? Они не сомневались, что она знает, где находится нужное им послание, и надеялись, что их главарь или наниматель — таинственный Аноним или «Птица» — сможет ее разговорить и выманить...

...что? Что выманить?

Бандиты перевернули ее пансион вверх дном, вероятно в поисках некоего предмета.

И, похоже, не нашли его.

А миссис Таппер, очевидно, даже не знает, что это.

Однако... Возможно ли, что загадочный предмет и правда где-то в доме?

* * *

Когда я была еще маленькой, то есть меньше года назад, до внезапного исчезновения мамы — хотя казалось, прошла целая вечность между сладкими деньками на природе и жизнью в сером туманном Лондоне, — когда в тринадцать вела себя как в десять, а не в четырнадцать как благопристойная работающая леди двадцати с лишним лет, я часто убегала в лес в родном Фернделл-парке и искала там разные «сокровища», залезая на деревья и заглядывая в щели между камнями. У меня накопилась целая уйма всего: перья соек, желтые полосатые ракушки улиток, гранатовая сережка, яйца ржанки, позеленевшие от времени пенни, необычные камешки, про которые я думала, что в них скрываются драгоценные минералы. И похоже, мое стремление искать ценности в неожиданных местах никуда

не делось. Оно стало моим призванием.

Поэтому к обыску пансиона миссис Таппер я приступила не только с порожденной волнением энергией, но и с острым любопытством человека, привыкшего во все совать свой нос, и глаз у меня был наметан подмечать детали.

Незванные гости миссис Таппер устроили в бедном пансионе ужасный беспорядок, а я выбрала иной подход — стала раскладывать все по местам. Возмутительным образом нарушая порядки бережливой хозяйки, я принялась зажигать все свечи и масляные лампы подряд. Дюйм за дюймом я прочесывала помещение, постепенно приводя его в более или менее приглядный вид.

Разбитую посуду, к сожалению, было уже не спасти, поэтому я подмела осколки и выбросила их в мусорное ведро.

Два фарфоровых спаниеля, стоявшие на каминной полке, тоже оказались расколоты. Я внимательно их изучила, но внутри статуэток ничего не нашлось.

Содержимое шкатулки воспоминаний было разбросано по полу. Я все подобрала и осмотрела: свидетельство о крещении — такое старое, что края у листа уже осыпались; не менее древние коричневатые фотопортреты, вероятно родных миссис Таппер; фотография выпуска сестер надежды из школы для бедных в Хойзингтоне, на которой среди других стоявших по струнке детей я быстро нашла свою хозяйку — для девочки, окончившей школу для бедных, она добилась больших успехов в жизни; снимок со свадьбы, который я уже видела; пожелтевший свадебный сертификат; купчая на дом и так далее. Из всех этих бумаг я вынесла только одно: миссис Таппер звали Дина.

Несмотря на поздний час, я и не думала о сне и упорно продолжала поиски. Прибравшись в основном помещении первого этажа, служащем одновременно и кухней, и столовой, и гостиной, и не обнаружив ровным счетом ничего интересного, я заставила себя съесть ломоть хлеба, чтобы слабость и голод не мешали расследованию. А потом, на ходу жуя сухую корку, поднялась на второй этаж.

Первым делом я заглянула в свою комнату и поспешно избавилась от сковывающего меня корсета, подкладок на грудь и бедра и других атрибутов мисс Месхол. Сбросив ее пышную светловолосую личину, я испытала огромное чувство облегчения. В одних чулках и халате, без парика на тонких волосах, снова худая и бледная, я отправилась в спальню миссис Таппер.

Комод стоял пустой — из него вынули все ящики. Держа в руке свеч-

ку, я внимательно осмотрела каждый из них на предмет второго дна, где могли скрываться важные бумаги или корреспонденция. Я даже отодвинула комод от стены, чтобы изучить его со всех сторон, и проверила, нет ли в нем тайных отсеков. Безуспешно. Вернув ящики на место, я тяжело вздохнула и принялась подбирать с пола одежду. Когда я складывала старомодные панталоны бедной милой миссис Таппер, у меня потекли слезы. Чужие люди ворвались в ее комнату, трогали своими грязными руками ее нижнее белье! Это же кошмар.

Все еще всхлипывая, я осмотрела пустой гардероб и начала убирать в него мятую одежду, бережно вешая все на вешалки. Разглаживая аккуратно залатанные муслиновые блузки и шерстяные юбки, обычно составлявшие ее повседневный наряд, я размышляла

о том, что добрая миссис Таппер человек порядочный, а похитители, наверняка застав ее в блузке, юбке, фартуке и чепце с рюшами, разумеется, не дали бедняжке возможности переодеться. Миссис Таппер ни за что не вышла бы по доброй воле на улицу, не сменив фартук на накрахмаленный белый передник, а чепец на капор!

Юбки предназначались для будних дней, а для выходных и особых случаев — платья, и к ним у миссис Таппер был такой же подход, как и ко всему в жизни: бережливый, скромный, ответственный. Всего в ее гардеробе было не более четырех платьев. Каждую весну она покупала новое, подходящее для ее возраста и скромного положения, но добротное и в меру модное. Каждую зиму перелицовывала одно из старых: распарывала швы, выворачивала ткань наизнанку — еще не выцветшую и не

потертую, подправляла фасон и детали, чтобы они соответствовали свежим веяниям. То, что было уже не спасти, выкидывала. То, что вышло из моды, миссис Таппер тоже не хранила. Например, года не прошло, как она выбросила свой турнюр, когда это нелепое надругательство над женским силуэтом потеряло свою актуальность.

Поэтому представьте мое удивление, когда среди всего этого разбросанного по полу добра я обнаружила старомодное пышное платье — из тех, которые натягивали на кринолин. Оно принадлежало тем временам, когда из-за широких юбок модницы с трудом протискивались в двери. Сшито оно было на совесть, украшено баской на талии и оборками на плечах, а огромная юбка из лазурного шелка раскладывалась в ровный круг — в таких платьях ходили лет тридцать назад.

Возможно, бережливая миссис Таппер хранила эту реликвию древности из-за дорогой ткани? Но почему же она его так и не перешила? Почему позволила лежать без дела?

Значит, платье было связано с драгоценными воспоминаниями? Со свадьбой? Для такого важного события выглядело оно вполне подходяще.

Хотя нет: миссис Таппер показывала мне фотографию со свадьбы, и там она была одета иначе.

Так почему же, позвольте, моя экономная хозяйка хранила это пышное платье в своем тесном шкафу?

Тут я опустила взгляд на пол — и с изумлением обнаружила, что там лежит и его кринолин!

Глава четвертая

ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ НЕПРЕМЕННО ПОЙМЕТ, что я хочу не оправдаться, а всего лишь изложить факты, когда говорю, что в ту минуту на меня снизошел свет — но не метафорический, а буквальный свет нового дня. Проведя всю ночь без сна, мой разум затупился, и я смотрела на кринолин без единой мысли в голове. Меня лишь удивляло, зачем миссис Таппер хранит это пыточное устройство, которым никто не пользуется уже с 1860-х.

Я подобрала кринолин, прощупала сам каркас и натянутую на него ниж-

ную юбку из колючей льняной ткани, не накрахмаленную и примятую, однако в прежние времена наверняка довольно представительную, способную поддерживать даже самые тяжелые платья с рюшами, оборками и девятью ярдами в окружности. Кринолин заметно расширялся книзу, и каждый следующий обруч был намного больше предыдущего. Швы на нижней юбке прикрывали крепкие банты из ткани в рубчик, вышитые цветами.

Признаюсь, эти украшения завладели моим вниманием.

В отличие от большинства благородных леди, я никогда не обучалась вышивке. Моя мать, суфражистка, презирала эти женские увлечения. Она поощряла чтение книг, поездки на велосипеде и прогулки по лесу, лазанье по деревьям — а не лепку розочек из воска, нанизывание на нитку ожерелья

из ракушек, вышивание каймы на носовых платках и бисероплетение. Разумеется, я могла поставить заплатку, пришить пуговицу, заштопать чулки, но декоративной вышивкой никогда не занималась.

Вероятно, поэтому я с таким восхищением любовалась синими лентами, вышитыми очаровательными пастельными бутонами — розовыми, персиковыми, желтыми, лавандовыми и так далее. Я всегда считала такие узоры удивительно красивыми и не раз жалела, что не обучена этому искусству. Даже прочла про два основных вида стежков в «Женской газете» — «французский узелок» и «ленивая маргаритка», — и они оба присутствовали на бантах этого кринолина. Впервые в жизни я увидела вышитые ленты, и хотя мне казалось, что узор на них должен повторяться, на самом деле это

было не так. Синяя ткань в рубчик оказалась украшена мило, но безвкусно. Ее покрывал разноцветный узор из цветков шиповника и седмичника, причем расположенных в случайном порядке и самых разных оттенков. Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, вышиты они были незатейливо. Седмичник состоял из «французского узелка» в центре и семи «ленивых маргариток» вокруг него. Цветки шиповника — из трех крестиков, покрытых простыми стежками...

О чем я думаю?! Моя бедная глухая хозяйка пропала, ее похитили, возможно, искалечили или даже — страшно подумать — лишили жизни! А я стою тут и разглядываю вышивку.

Я затолкала кринолин в гардероб и продолжила поиски хоть какого-нибудь намека на то, что произошло с несчастной миссис Таппер и куда ее забра-

ли. Покончив с одеждой, я осмотрела и застелила кровать, заглянула под тумбочку и умывальник, пролистала журналы про моду и светские сплетни, но ничего полезного так и не обнаружила. Даже подняла ковер, но и там ничего не нашлось. С тяжелым вздохом я опустилась на кровать и осмотрелась вокруг. Окинула взглядом пол. Стены. Легла на спину, чтобы изучить потолок...

* * *

Час или два спустя меня разбудила Флорри:

— О, мисс Месхол! Ну и испугали же вы меня! Свет повсюду включен, а вас ни внизу нет, ни в вашей комнате — я уж думала, они вернулись и вас утащили!

— Что? Кто? — сонно пробормотала я, пытаюсь сообразить, что происходит, где я и кто я. Мисс Месхол? Разве меня зовут не Энола Холмс?

— Мисс Месхол, — встревоженно повторила Флорри, — вы сами на себя не похожи. Больно переживали за миссис Таппер, всего за ночь исхудали так, што взглянуть страшно. И как вы еще живы-то!

Бедная простушка никогда не видела меня без всех подушечек и подкладок, благодаря которым фигура менялась до неузнаваемости, и резиновых вставок в ноздри и под щеки, округлявших лицо. Мое преобразование она явно связала с волнением за судьбу пропавшей миссис Таппер.

— Мама 'оворит, ее, может, и в живых уж нет...

Я тут же приподнялась:

— Флорри, прошу тебя, замолчи!

Как можно предполагать, а тем более говорить вслух, что миссис Таппер погибла, убита?! Нет, это слишком.

Флорри и не подумала замолчать:

— ...но мы-то не должны из-за этого себя губить! Если вы еще не ели ничего, так идите скорее съешьте вареное яйцо с чаем!

Что за удивительное создание! Костлявая неуклюжая девчонка с круглым детским личиком — и проявляет заботу обо мне? Мое лицо озарила едва заметная улыбка, и я села на краешке кровати, свесив ноги.

— Флорри, — ласково спросила я, — не появилось новостей о миссис Таппер?

— Уж не знаю, можно это назвать новостями или нет, мисс, но все только об этом и толкуют: кто ховорит, што это красные анархисты ее забрали, кто на банды с верфей думает, кто на Джека-потрошителя. — Флорри поежилась. — Но это же глупые байки, да, мисс? Миссис Таппер была достойной женщиной!

Меня смутило прошедшее время, и я вскочила на ноги:

— Надеюсь, и есть до сих пор. Ты права, Флорри, мне надо поесть, а уже потом поразмыслить над тем, как лучше поступить.

Если верить мистеру Ватсону, мой брат Шерлок терзает себя отсутствием еды и сна, чтобы сохранять остроту разума, однако по моему опыту мне думалось намного легче после сытного обеда и отдыха.

— Эт' правильно, мисс, — кивнула Флорри и вышла в коридор.

Я последовала было за ней, но тут мой взгляд упал на открытый шкаф с одеждой.

— Флорри, ты, случайно, не знаешь, зачем миссис Таппер это хранит? — спросила я, показав ей роскошное старомодное платье из синего шелка.

— О, мисс, конечно знаю! — Флорри бодро развернулась и забежала обратно в спальню. — Она мне его как-то раз показала, мисс, потому што ей энто платье подарила дама, в честь 'оторой меня назвали. Ну, точнее, меня-то назвали как тетю, а вот ее — в честь этой дамы.

Проклятая болтушка, от нее у меня разболелась голова! Однако мне нужно было узнать ответ на свой вопрос, и поэтому я терпеливо ее выслушала:

— Какой дамы?

— Той, 'оторая дала миссис Таппер энто платье, мисс!

Я тяжело вздохнула:

— Давай с самого начала, Флорри. И медленнее, пожалуйста. Кто дал миссис Таппер это платье?

Флорри, отчаянно стараясь мне угодить, наморщила лоб от напряжения:

— Точно фамилию не вспомню, мисс, но о ней тогда все только и говорили. Леди с Лампой — так ее называли, когда тетя Фло родилась, но о ней уж давно ничего не слышно.

Миссис Таппер, кажется, упоминала некую Леди с Лампой. Что же именно она сказала? Все произошло тридцать четыре года назад. Сейчас об этой даме почти никто не помнит. Была на Крымской войне. «Одежку дала красивую, лучше той, в которой я замуж выходила», — сказала миссис Таппер. Очевидно, она говорила об этом самом платье середины века, которое я сейчас держала в руках.

— Так, ну как же ее звали... — проворчала Флорри.

Сложное имя: раньше все знали, сейчас забыли... Нет, разве это может быть связано с тем, что произошло с миссис Таппер?

— Не важно, — сказала я, убирая платье обратно в гардероб и затворяя дверцы. — Идем, Флорри.

Девочка послушно поплелась за мной по лестнице на первый этаж, но на ходу продолжала шептать себе под нос:

— Флоренс... Флоренс што-то там...

Я плюхнулась на стул за кухонным столом, а она поставила чайник.

— Фамилия такая забавная, с «ай» и «эй». Уайт? Тейлор? Бейкер? Нет, та похитрее была...

Вдруг меня осенило:

— Флоренс Найтингейл!

— Да-да! — радостно воскликнула Флорри. — «Найти эль»! Верно, пьяницы там одни в семье, хотя она вроде леди была приличная...

— Не «Найти эль», а Найтингейл, — поправила я ее так устало и раздраженно, что проявился мой аристократический акцент. — Эта фамилия произошла

от слова «соловей»¹, и алкоголь здесь совершенно ни при чем. Соловей — очаровательная птичка, которая так сладко поет...

Тут у меня в мозгу сверкнула вспышка, как над аппаратом фотографа-портретиста, и я резко вскочила, чуть не опрокинув стол.

— Чтоб меня черти съели! — выругалась я самым неподобающим образом. — Птица!

¹ На английском «соловей» — nightingale.

Глава пятая

САМА ЛЕДИ С ЛАМПОЙ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, уже почила, поскольку все ветераны Крымской войны, которые мне встречались, балансировали на краю могилы, хотя в те времена были еще совсем юными, в отличие от Флоренс Найтингейл, взрослой дамы. Кроме того, о ней в последнее время не упоминали — значит, умерла она давно. Однако в семье Найтингейл мог остаться родственник или потомок, которому было известно и о прошлом миссис Таппер, и о том, где она живет. Я ухватилась за эту хрупкую догадку как за преслову-

тую соломинку, поскольку иными вариантами не располагала.

Откушав хлеба с чаем, я отправилась наверх переодеться, размышляя на ходу, в каком образе лучше предстать.

Мисс Месхол была из рабочего класса и выглядела слишком вульгарно, а потому не вызвала бы к себе уважения. На безупречную красавицу мисс Виолу Энверуа ушло бы много часов, а времени терять не хотелось. Я просмотрела содержимое своего гардероба и остановилась на простом узком шерстяном платье кирпичного цвета. Тускло-коричневые волосы собрала в пучок, на крупный нос водрузила очки в черепаховой оправе — и в результате получилась благородная дама, приверженная науке (точнее, попыткам заниматься наукой в Британском музее, несмотря на насмешки ученых мужского пола), не заинтересованная в браке, но все же

леди, хоть и не заботящаяся о красоте, поскольку ни одна модница не стала бы уродовать себя очками.

Я осмотрела себя в зеркало и с удовлетворением отметила, что тяжелая темная оправка успешно прикрывает мое лицо и нос кажется не таким уж огромным. К этому наряду я добавила черную шляпку, слегка похожую на мужскую. Прекрасно. Никто не обратит внимания на свободомыслящую старую деву. Оставалось лишь дополнить образ жакетом и перчатками — разумеется, заляпанными чернилами.

— Флорри, — позвала я, — ты дождешься моего возвращения? — Мне хотелось, чтобы она была здесь на случай, если кто-нибудь придет с новостями.

— Конечно, мисс... — Тут служанка меня увидела и разинула рот от удивления. — Мисс... м-м... Месхол?

— Не забивай себе голову, Флорри.

— Вы идете искать миссис Таппер?

— Само собой. Однако будем надеяться, что она сама вскоре вернется домой.

Ах, если бы это было так!

* * *

Улицы Ист-Энда, как всегда, кишели немытой беднотой — голодными бродяжками в отрепьях, попрошайками с омерзительными «ожогами», симитированными с помощью мыльной пены и уксуса, торговцами, кричащими до хрипоты:

— Пудинхи, пирохи!

— Имбирный эль!

— Рыба, рыба! Свежая селедка!

Среди прачек и других трудяг, спешащих в город, я заметила высокого мускулистого рабочего в слишком большой тряпичной кепке в шотландскую клетку. Он шел неспешно и, по моему

мнению, рисковал опоздать на работу. Я прошла мимо водонапорной башни Олдгейт, огромного сооружения футов в двадцать высотой, увенчанного роскошным фонарем. Это был своего рода монумент Свету и Гигиене в Лондоне, который обозначал границу более приличного, достойного района. Там мне удалось вызвать кеб, и я попросила отвезти меня в Найтингейлскую школу для сестер милосердия.

— Есть, мисс, — сказал кучер, и я молча опустилась на сиденье, как бы предполагая, что он знает, куда меня везти: сама я понятия не имела, где находится эта школа — только слышала, что в Лондоне есть такая.

Лошадь неспешно побежала по дороге, и мой кебмен крикнул другому, проезжающему мимо:

— Эй! Не знаешь, где школа сестер милосердия?

Как выяснилось, надо было проехать по Лондонскому мосту — и на другой стороне Темзы, рядом с больницей Святого Томаса в Ламбете, стояло нужное мне здание. Выпрыгнув из открытого экипажа и заплатив кучеру, я огляделась вокруг. По тропкам аккуратного садика парами гуляли девушки в накрахмаленных белых воротничках, передниках, чепцах и таких скромных коричневых платьях, что по сравнению с ними даже мой наряд из грубой шерсти выглядел великолепно. Они шагали медленно и в полном молчании, словно выполняя определенное задание. Очевидно, это были будущие сестры.

Они не были никак во мне заинтересованы и даже не смотрели в мою сторону. Я приблизилась к массивной двери несимпатичного кирпичного здания приличных размеров, посмотрела на та-

бличку с надписью «Входите» — и так и поступила.

Следующий знак — рука, указывающая пальцем в сторону, — привел меня в кабинет, где сидела сухонькая дама в черном.

Она окинула меня оценивающим взглядом. Ох, неужели решила, что я хочу поступить сюда учиться? Стыдно признаться, но меня охватило волнение.

— Я не за этим... то есть... я не... Я ищу кого-нибудь из семьи Найтингейл, дело важное и личное.

Высохшая дама озадаченно заморгала:

— Кого-нибудь?

— Я... мм... мисс Флоренс Найтингейл...

Мне хотелось как можно мягче объяснить, что самой леди Флоренс уже ни о чем не спросишь, но я прикусила язык, увидев, что матрона кивнула и взяла чистый лист бумаги. Набросав

на нем несколько слов, она протянула его мне.

— Саут-стрит, тридцать пять, — прочла я вслух и удивленно ахнула: — Мисс Найтингейл жива?!

Наверняка вид у меня был презабавный, поскольку худосочная дама улыбнулась:

— О, разумеется. Только совсем не выходит из дома.

Печально: будет ужасно, если окажется, что она не может ответить на мои вопросы.

— Она нездорова? Не очень... мм... ясный рассудок?

— Маразм? Ни в коем случае! — Сморщенная слива усмехнулась. — И болеет она редко. Однако после возвращения с Крымского полуострова как легла, так больше с постели и не вставала.

— Она... э-э-э... физически неполноценна?

Я очень надеялась, что нет, поскольку считала инвалидов людьми сварливыми и требовательными, которые делали вид, будто они слабее и болезненнее, чем есть на самом деле, и их выбор «неполноценности» был в какой-то мере осознанным. Не одна благородная английская семья хоть какое-то время, но страдала от тирании инвалида. Многие леди лишь притворялись больными, чтобы остальные выполняли все их прихоти. Признаться, я и сама однажды так поступила. После того как моя мать сбежала, мне пришлось провести несколько месяцев в одном доме с моим неприятным братом Майкромфтом, и я сделала вид, будто очень слаба и не могу вставать с кровати.

Однако... Тридцать пять лет добровольного заточения?!

— Она предпочитает, чтобы ее называли «человеком слабого здоровья», —

заметила матрона. — Впрочем, в Лондоне нет физически неполноценного, как вы выразились, человека, который мог бы развернуть такую же бурную деятельность, как мисс Найтингейл. — Она махнула рукой, как бы прогоняя меня словно ребенка: — Ну, идите, милая. Моим стажеркам уже пора заканчивать моцион.

Когда я вышла, голова у меня гудела. Героиня мисс Флоренс превратилась в лежачую больную?! Как пали великие! Поможет ли бывшая Леди с Лампой пролить свет на тайну, окутавшую миссис Таппер?

Ламбет был районом приличным, и в полдень улицы по большей части пустовали. Тем не менее мне на глаза попался тот же самый нерасторопный рабочий в слишком большой кепке в клетку, которого я до этого видела в Ист-Энде. Возможно, он работал где-то поблизости.

Найдя стоянку кебов, я запрыгнула на сиденье одного из них и назвала кучеру адрес:

— Саут-стрит, тридцать пять.

Вместо того чтобы немедленно тронуться, он воскликнул:

— Вам в Мейфэр, мисс?!

Я удивилась не меньше, но постаралась это скрыть:

— Саут-стрит находится там?

— Да, мисс.

— Так отвезите меня туда.

Неудивительно, что он переспросил адрес — Мейфэр считался самым роскошным и дорогим районом Лондона. Старая дева, положившая жизнь на алтарь гуманитарных наук, не могла жить там, среди богатых и влиятельных сливок общества. Значит, Флоренс Найтингейл была дамой состоятельной? Только сейчас я поняла, что это довольно очевидно. Ее великие дела однозначно

требовали великих затрат. Однако зачем леди из хорошей семьи, из тех, кого представляют ко двору, отправилась в кровавое месиво, в госпиталь Крымского полуострова? Почему по возвращении осталась с этими снобами и заточила себя в собственной спальне? Пока кеб, подпрыгивая на неровной дороге, вез меня на Саут-стрит, я гадала, какая же она — мисс Флоренс Найтингейл.

Однако никакие догадки не могли подготовить меня к тому, что я увидела на Саут-стрит, тридцать пять — дом у Парк-лейн с видом на Гайд-парк! Роскошный четырехэтажный особняк из кирпича с оградой из кованого железа и ставнями великолепного зеленого цвета, насыщенного, но не слишком яркого.

Я перевела дыхание и поднялась по каменным ступенькам к крепкой двери

с небольшим окошком над ней. А затем постучала дверным молотком, готовая увидеть на пороге грозного дворецкого и ответить на вполне уместные вопросы, пройти в тихую, укрытую ковром библиотеку или маленькую гостиную, где придется терпеливо ждать... Мне открыл молодой человек, не дворецкий и не лакей, в удивительно модном твидовом костюме, бриджах и коричневых гетрах. Едва взглянув на меня, он сказал:

— Проходите.

До меня донесся аромат чая, выпечки, свежих цветов, слабый шум голосов.

— Прощу прощения, — озадаченно произнесла я, — я пришла не вовремя?

Он усмехнулся:

— Нет-нет, у нас тут каждый день так. Вы проходите.

Я послушалась, уловив нетерпение в его голосе, и вошла в широкий, зали-

тый светом коридор, который вел в другие просторные помещения: гостиную, библиотеку, маленькую столовую, большую столовую и так далее. Везде сидели джентльмены в городских костюмах и леди в платьях для визитов. Они вели беседы, пили чай, разглядывали документы, что-то писали — причем некоторые делали все это одновременно. Я с удивлением обнаружила, что среди них есть и достойный премьер-министр Уильям Гладстон.

Очевидно, поговорить наедине с мисс Найтингейл и хотя бы на несколько минут безраздельно завладеть ее вниманием будет гораздо сложнее, чем я думала.

Глава шестая

Подобно судну в тихом море, я проплыла по ковру из сизаля¹. Впустивший меня молодой человек быстро испарился, и, не зная, куда идти, я в растерянности огляделась по сторонам. Прихожую заполняли необычные, но уютные на вид диванчики со встроенными в них вешалками для шляп, зеркалами и подставками под зонтики. Над мебелью возвышались напольные часы с маятником, а в сервантах кра-

¹ Сизаль — грубое пальмовое волокно. Ковры из этого материала не баснословно дороги, но и недешевы.

совались сувениры, вероятно с Крымского полуострова. На стенах висели вышивки с аккуратными цветочными узорами и крылатыми выражениями вроде «Терпение и труд все перетрут», «Добрыми намерениями вымощена дорога в ад» и вдохновляющими фразами, например «Кто не идет вперед, тот идет назад: никто не стоит на месте».

Пока я задумчиво разглядывала последнюю надпись, ко мне приблизилась юная дама в шелковом платье, определенно не горничная, с кувшином лимонада и стаканами на подносе. Хотя в это время года не приходилось опасаться охочих до сладкого ос, кувшин был накрыт мягкой тканью с узором из маргариток. Очарованная этой картиной, я потерялась в своих мыслях и чуть не подпрыгнула, когда юная дама дружелюбно обратилась ко мне:

— Вы по поводу больничной реформы, мисс?

Несмотря на свой образ взрослой ученой, я смогла выдавить из себя лишь по-настоящему детский ответ, достойный четырнадцатилетней девчонки:

— Э-э... нет...

— Тогда из-за возмутительных условий жизни в работных домах?

Я помотала головой. Дама на этом не успокоилась и продолжила бодро меня допрашивать:

— Вряд ли вы пришли спросить про врачебные комиссии в армии. Значит, вы из Комитета лицензирования обученных медсестер?

Я снова помотала головой словно глупый ребенок и проямлила:

— Мне нужно задать вопрос мисс Флоренс Найтингейл.

— О, разумеется. Обратитесь к миссис Кроули, она за письменным столом

в библиотеке. — С этими словами дама кивнула и мило мне улыбнулась.

Миссис Кроули, удивительно похожая на мою богато одетую собеседницу, но старше ее по годам, тоже приветливо улыбнулась и кивнула, когда я объяснил, что хочу поговорить с мисс Флоренс Найтингейл. К счастью, моего имени она не спросила. Сегодня я не удосужилась придумать себе новый псевдоним. Не попросила она и рекомендательного письма, и даже визитной карточки. Никак не уточнив, о чем именно я надеюсь спросить мисс Флоренс, она махнула на кресло и протянула мне дощечку для письма, которую можно было положить себе на колени, а также перо, чернила и лист самой качественной бумаги нежного кремового цвета. Мое искреннее изумление, очевидно, отразилось у меня на лице, поскольку миссис Кроули ласково объяснила:

— Запишите свой вопрос к мисс Найтингейл, и этот щеголь в бриджах быстренько ей все доставит. А когда у нее найдется минутка, она пришлет вам ответ.

— Но... — пролепетала я, — но мне важно поговорить с мисс Найтингейл лично!

Улыбка миссис Кроули расплылась еще шире.

— О, боюсь, вы не понимаете, что это невозможно, — ответила она с легким упреком. — Никто не встречается с мисс Найтингейл лично. — Миссис Кроули благодушно кивнула на открытую дверь, за которой виднелся представительный силуэт мистера Гладстона. — Даже его превосходительство отправляет письмо, когда ему необходимо что-то спросить. Все так делают.

— Но... если она так слаба, то как...

— Вы удивитесь, милая, сколько-го можно достичь, лежа в постели. Завтрак, обед и ужин ей приносят в спальню. Она трудится не покладая рук. Пишет не только записки слугам с указаниями по содержанию хозяйства, но и по сотне писем в день. Работает над многими реформами, но просит не указывать ее имени в газетах. Поэтому многие говорят, что в Англии на самом деле не две, а три палаты парламента: лордов, общин и Флоренс Найтингейл.

— Невероятно... — произнесла я слабым голосом. — Я и подумать не могла... Однако мне правда необходимо увидеть мисс Найтингейл...

— Это категорически невозможно, — отрезала миссис Кроули с нарастающим раздражением. — Вы, насколько я вижу, ученая. Не сомневаюсь, писать вы умеете.

— Позвольте — это дело жизни и смерти!

Миссис Кроули мои слова не впечатлили:

— Мисс Найтингейл не принимала ни своих родителей, пока они еще были живы, ни сестру. За последние тридцать лет, не считая редких исключений, к ней никто не поднимался. Вряд ли она согласится принять вас. Хотя вы, разумеется, можете описать свою просьбу. — Она решительно махнула рукой на выданные мне принадлежности для письма, показывая, что разговор окончен.

Пропади оно все пропадом! Раста на стенах этого прелюбопытного дома плющ — я бы немедленно выбежала на улицу и взобралась по нему в спальню затворницы. К сожалению, плюща здесь не было, и я перевела обреченный взгляд на лист кремовой бумаги.

Подозревая, что это бессмысленно, я все же написала:

Дорогая мисс Найтингейл!

Времени мало, посему буду кратка:

пожилая дама похищена бандитами, вероятно потому, что знала Вас в Крыму и получила для Вас послание.

Ее имя мисс Дина Таппер. Нет ли у Вас хоть малейшего представления о том, кто мог ее забрать и куда?

Друг.

Промокнув и сложив письмо, я протянула его улыбающейся миссис Кроули. Она кивнула и любезно произнесла, махнув рукой:

— Выпейте чаю с печеньем, милая, или стакан лимонада. Ответ вам передадут.

Эта мисс Найтингейл однозначно вывела тиранию инвалидов на новый

уровень. Скорее всего, характер у нее вздорный. Мне отчаянно хотелось кого-то удавить — если не ее саму, то хоть кого другого, — но я все же смиренно кивнула и вышла из библиотеки.

Якобы бесцельно гуляя по дому, я пристально и с неподдельным интересом разглядывала его интерьер.

В комнатах первого этажа за столами сидели гости, угощаясь канапе, фруктовой нарезкой, горячей выпечкой и другими закусками — мисс Найтингейл проявляла удивительное гостеприимство во всем, отказав лишь в своем присутствии. Салфетки, скатерти, подушки на стульях, даже тряпочки, в которые были обернуты баночки с вареньем, — все покрывала изящная вышивка. Например, баночки варенья в зависимости от содержимого украшали разные ягоды и фрукты, вышитые цветными

нитками: малина, виноград, персики, абрикосы, земляника, крыжовник, айва и так далее.

Разумеется, не было ничего удивительного, что такое несомненно женское искусство, как вышивка, находило свое применение в доме леди из высшего класса, однако других подобных творений на глаза не попадалось. Ни восковых роз, ни шелковых абажуров с оборками, ни бесполезных шкатулок из ракушек, ни раскрашенной вручную стеклянной посуды. На спинках кресел в гостиной не висели вязаные салфетки — вместо этого на сиденьях лежали с любовью вышитые подушки. На стенах висели вышитые пейзажи в рамках, многочисленные семейные портреты — как написанные маслом, так и фотографические. Среди них встречались даже вырезанные из черной бумаги старомодные профили.

Меня особенно заинтриговали фотографии: красивые лица, многие из них в профиль, как и черные силуэты, молодожены в полный рост, менее официальные снимки — пожилой джентльмен с девушкой непримечательной внешности в дверях каменного загородного дома, другой старик с несимпатичной дамой на чаепитии в саду. Пока я гадала, как связаны между собой эти персонажи, ко мне подошел молодой «щеголь в бриджах» и протянул записку — очевидно, от неприступной мисс Найтингейл. Внешне письмо сильно отличалось от моего: на тонкой бумаге, сбрызнутой туалетной водой с ароматом фиалок, было набросано несколько строк нежно-фиолетовыми чернилами.

Прежде чем прочитать ответ, я показала на фотографии на стене и обратилась к молодому человеку:

— Прошу прощения, не могли бы вы сказать, кто здесь изображен?

— О! Боюсь, всех я не знаю, но это, — он указал на пару за столом в саду, — Уильям Эдвард Найтингейл и Фрэнсис «Фэнни» Смит Найтингейл, родители мисс Флоренс Найтингейл. А это, — он кивнул на девушку с жабым лицом, стоящую в дверях каменного дома, — мисс Партенопа, или Парте, как ее обычно звали, старшая сестра мисс Флоренс Найтингейл.

Я окинула взглядом стену в поисках похожего жабьего лица и спросила:

— А где портрет самой мисс Флоренс Найтингейл?

— Его здесь нет. Она не любит ни фотографий, ни портретов и не хочет выставлять их на всеобщее обозрение.

Неудивительно, если они с сестрой внешне похожи!

Раз ей так не повезло, нет ничего странного в том, что она осталась старой девой — и, возможно, обозлилась на судьбу? Ведь мисс Флоренс отгородилась от всех, даже от родной семьи!

Молодой человек в твидовом костюме снова испарился, и я посмотрела на записку, пахнущую фиалками. Мелким аккуратным почерком, как у счетовода, там было выведено:

*Боюсь, что никак не могу Вам
помочь, поскольку не знаю никого
по фамилии Маппер и ничего
касательно вопроса, который Вас
тревожит. Мне жаль.
С уважением,
Флоренс Хайтингейл.*

И все.

Только я, разумеется, не собиралась на этом останавливаться. Для меня это был еще не конец.

Однако в тот день я не стала проявлять настойчивость и спокойно ушла, поскольку мой разум занимали любопытнейшие мысли.

Некто в этом доме страстно увлекался вышивкой.

Хотя по данной теме, насколько мне известно, никто не проводил исследований и не писал монографии (вроде работ моего брата Шерлока о сигарном пепле, шифрах, химических реакциях), я смело предполагала, что вид стежков, подобно почерку, индивидуален для каждого человека: изящный или смелый, вытянутый или округлый, тугой или свободный, постоянный или непостоянный.

В доме Флоренс Найтингейл все вышитые узоры дарили ощущение про-

стоты и легкости, некоей беспечности, и кое-где я уже видела похожие стежки.

На лентах старого кринолина.

Как странно. Шелковые ленты — дорогое украшение. Вышивка — занятие трудоемкое. Редко встретишь их сочетание: обычно выбирают что-то одно. Сочетание и того и другого — роскошь, достойная разве что свадебного наряда.

Зачем же тратить все эти деньги и усилия на кринолин?! Самую грубую, уродливую деталь нижнего белья? Которую не увидит никто, даже жених в брачную ночь?

Словом, мне не терпелось вернуться домой и еще раз внимательно изучить этот скромный предмет гардероба.

Глава седьмая

НА ПАРК-ЛЕЙН В НАЕМНЫХ ЭКИПАЖАХ недостатка не было.

— Кеб! — выкрикнула я, поднимая руку в перчатке.

— Кеб! — выкрикнул вслед за мной джентльмен, оказавшийся у меня за спиной, и поспешил к следующей после моей четырехколесной повозке.

Я лениво проводила его взглядом, но потом меня словно молнией ударило. Я его узнала. За сегодняшний день он встречался мне дважды, только в те разы выглядел далеко не как джентльмен. У этого высокого широкоплечего госпо-

дина был благородный акцент и такая же походка — неудивительно, что утром он зацепил мой взгляд в ист-эндской толпе! Обычный рабочий не шел бы, сунув руку за пояс за спиной, с поднятой головой и расправленными плечами, будто на них не давил груз забот. Да, такой самоуверенный человек уместнее смотрелся в районе Гайд-парка. Грубый кожаный ремень он снял, а нелепую клетчатую кепку заменил шляпой-котелком. Если не смотреть на обувь, его можно было бы принять за состоятельного торговца в просторном костюме.

Я села в свой кеб и выглянула в окошко, чтобы лучше разглядеть его лицо. Оно оказалось крайне примечательным. Идеально симметричные, приятно гладкие черты, не резкие и острые, как у большинства аристократов, профиль идеальных с художественной точки зрения пропорций — и при этом как-то

странно знакомый. Где же я могла его видеть?

Так или иначе, в данный момент меня заботило другое: как от него оторваться?

Мы не проехали и нескольких улиц, как я, приняв решение, постучала кулаком по крыше экипажа, тем самым приказывая кучеру остановиться.

Объяснять я ему ничего не стала, только спокойно произнесла: «Благодарю, любезный» — и заплатила полную цену.

Потом вернулась на стоянку. Кеб загадочного джентльмена, как и ожидалось, тоже остановился. Проходя мимо него, я краем глаза увидела Классический Профиль — такое я дала ему прозвище. Он смотрел в окошко экипажа, провожая меня взглядом.

Я заметила девочку, продающую цветы, и купила у нее маленький букетик ландышей — по двум причинам: чтобы оправдать свой внезапный посту-

пок, тем самым уняв возможную тревогу в моем преследователе, и чтобы незаметно проверить, где он сейчас. Мой кебмен уже уехал на поиски другого пассажира, а экипаж Классического Профиля все еще стоял на месте, на что я и рассчитывала.

Я с улыбкой поднесла к лицу букетик, как бы наслаждаясь ароматом, а затем подошла к другой четырехколесной повозке, стоящей чуть поодаль, и заплатила кучеру заранее, туманно объяснив, что «мне так будет удобнее». Приказав отвезти меня к Британскому музею, я забралась в салон и ровно в то мгновение, когда он хлестнул лошадь поводьями, выскользнула на дорогу так, чтобы экипаж полностью загораживал меня от зоркого взгляда Классического Профиля. Пройдя несколько футов подледвигающегося кеба, я незаметно спряталась за чью-то припаркованную

карету и принялась наблюдать за тем, что будет дальше.

Разумеется, кеб моего преследователя сел на хвост теперь уже пустому экипажу, держащему путь в Британский музей, и вскоре они оба скрылись из виду.

Я даже восхитилась своей собственной хитрости.

Однако восхищение быстро угасло. В голове возник другой, куда более суровый голос: «Энола, прекрати себя нахваливать. Чего ты добилась? Этот человек следил за тобой еще с утра от самого Ист-Энда. Он знает, где ты живешь».

Нет, все, чего я добилась, — это выиграла немного времени. Чтобы потратить его с умом, я поспешила домой.

* * *

— Пока вестей нет, мисс Месхол, — сказала Флорри, когда я спросила про миссис Таппер. Она заламывала худые

руки, и узловатые суставы пальцев ее громко хрустели. Чтобы прекратить этот жуткий звук, я протянула ей свой букетик. А сняв шляпу и перчатки, показала тщедушной служанке то, что заранее подготовила за время поездки в экипаже, а именно — несколько карандашных набросков. Я всегда носила в подкладке на грудь все необходимое, включая бумагу и карандаш, и сегодня с их помощью изобразила несколько образов своего загадочного преследователя: в кепке, без кепки, в фас, в профиль и так далее. Художественного таланта у меня нет, зато удивительно хорошо получаются так называемые карикатуры, лица с преувеличенными чертами, особенно когда настроение не из лучших.

Как вот сейчас. Меня снедало волнение. Сильная тревога за мою милую глухую хозяйку. Во что же ее втянули?

— Эт' он! — тут же завопила Флорри. — Молодой, с 'орошими зубами! Без бороды, но энто он, точно вам говорю, он забрал миссис Таппер!

— Вместе со своим подельником, — напомнила я, проверяя, не изменятся ли ее показания. — Более взрослым, с плохими зубами.

— Да, мэм!

— Вас обеих ударил тот, кто старше, грубый здоровяк?

— Нет! Нет, мисс Месхол! — Палец Флорри, наведенный на один из карандашных портретов Классического Профиля, дрожал, хотя от ежедневной тяжелой работы руки у нее были сильные и крепкие. — Эт' был он! Он и меня огрел, и миссис Таппер!

Джентльмен ударил бедную старушку?!

Какой кошмар! А ведь на первый взгляд он кажется благородным госпо-

дином. По спине у меня пробежали мурашки. Что же за нрав скрывает его приятное пропорциональное лицо?

Все еще тыча пальцем в портрет, Флорри воскликнула:

— Откудова у вас энто, мисс Месхол?

На этот вопрос я не ответила, поскольку девочка и так слишком много обо мне знала, и было бы чересчур еще и признаваться в том, что это мой рисунок.

— Флорри, запри двери и никого не впускай без моего разрешения, — бросила я через плечо, убегая по лестнице на второй этаж, где меня ждало срочное дело.

Не прошло и минуты, а я уже сидела у окна в своей комнате и там, на свету, изучала древний кринолин миссис Таппер. Колючий, жесткий и огромный, он чуть ли не погребал меня под собой.

Хм.

Все обуревавшие меня чувства слились в горячую целеустремленность, и я сосредоточила все свое внимание на синих лентах, вышитых цветами. Вскоре мне стало ясно, что ленты добавили не для того, чтобы скрыть швы. Они лежали свободно, как будто впоследствии их хотели снять.

Очевидно, их пришили к этому кринолину, чтобы тайно передать некое послание — однако зачем выбирать такой уродливый предмет...

— Ну конечно, — прошептала я, — кринолин никто не будет стирать! Нижние юбки и все другое женское белье попали бы в руки служанкам или прачкам, их могли украсть, потерять, а кринолин всегда оставался при хозяйке! — Как же хитро, — пробормотала я с нарастающим уважением к острому уму Флоренс Найтингейл.

Не было никаких сомнений, что она сама придумала создать тайный шифр из вышитых цветов, шифр, на который не обратил бы внимания ни один мужчина. Те два непутевых бандита перевернули вверх дном весь дом и ушли с пустыми руками. Даже мой брат Шерлок вряд ли справился бы лучше их. Проклятье, я и сама чуть не проглядела эту деталь!

Я с искренним восхищением разглядывала криптограмму, в которой большинство увидели бы лишь вышитый на лентах узор.

Возможно, любезный читатель вспомнит, что узор состоял из седмичников и цветков шиповника самых разных оттенков — розовых, красных, желтых, персиковых, лавандовых, белых, фиолетовых и так далее, а также редких зеленых листиков. Первым делом я попыталась разобраться в том, какое

значение имеет цвет, и для этих целей достала ножницы, чтобы срезать ленты. Как я уже говорила, пришиты они были слабо и поэтому отошли легко. Голый кринолин я отбросила в угол. Он встал ровно, держась на своем каркасе, словно мутно-белое видение, словно призрак миссис Таппер.

Поспешно отмахнувшись от этой зловещей мысли — никогда нельзя терять надежду! — я разложила ленты на кровати в том порядке, в котором они были нашиты на кринолин, сверху вниз, то есть от самой короткой до самой длинной.

Теперь они напоминали мне строчки шрифта. Возможно, цвета не имели никакого значения и были выбраны лишь для отвода глаз, чтобы их разнообразие отвлекало внимание от того, что сам узор, наоборот, достаточно однообразен.

Семь петелек «ленивых маргариток», самое простое изображение седмичника.

Цветки шиповника, или, другими словами, дикие розы, — маленькие и круглые.

Листочки.

И небольшие пропуски между цветами.

Пропуски окончательно убедили меня, что это шифр, а не обычный узор. Кто стал бы оставлять пустые места на ленте, вышивая ее цветами? Нет, другого варианта быть не могло.

Только как зашифровать целое послание, используя всего три символа — седмичник, розу и лист? Правда, иногда листья встречались и по двое.

Я почувствовала страшную усталость, но заставила себя взять лист и перенести шифр на бумагу в виде более простых символов. В последнее время для этих целей я пользовалась не каранда-

шом, а пишущей машинкой. Седмичник я обозначила звездочкой, миниатюрную розу — точкой, а лист — косой чертой.

Вот что у меня получилось:

. / ... / * / *.. V *.. / *** / *. / . /
 **.. / . / * / . / *.. / *.. / ... / * / **. / .
 V . / . / .. / *** / . / *.. V **. / . /
 *** / *.. / . / . / * V **. / . / .. / **. /
 . / ... / *.** V *. / *** / . / ... / * / . /
 * / * / .. / . / *** / **. / *.. / *. V . /
 *.** / . / *** / *. V *** / *... / . / . /
 **. / . / *.. / . / ... / *.. V *. / .. /
 .. / *. / **** / . / . / *. V ... / *** / *.. /
 *.. V . / . / **. / *.. / . / *. V *... / . /
 .. / .. / ... / **. / . / ** / . / *** V
 *** / .. / .. / *. / . / . / * / ** V *... / . /
 .. / . / . / **.. / *.. / .. / *. / . / ***
 V .. / *.. / .. V ... / .. / ...* / . V *. /
 . / ...* / .. / .. / . / ** / * / ... / **. V
 . / * / *. / . V *.. / ** / *.. / .. V
 ** / . / . / **.. / . / .. / * V **. / *** /

. * .. / *** / * .. / . * / .. ** / * V .. * / ** / .. /
 . * . / . * / .. ** / * V .. * / ** / *** / . * .. / . * * /
 .. ** V . * * . / *** / . * * / . * .. / .. / . * * / . * * * /
 * /. V * . * / . * * V . * * V * * * / * / * * * . / . * /
 . * * / * . / .. / .. V .. * . / * . V

О да, ну теперь мне все ясно!

(Надеюсь, любезный читатель догадался, что таким образом я попыталась пошутить.)

Я сверлила взглядом листок до тех пор, пока у меня не потяжелели веки. Действительно, я ведь почти не ела и совсем не спала уже около двадцати часов. Обычно это не мешало мне размышлять, однако сейчас выжать из себя ни одной дельной мысли не получалось.

Вероятнее всего, два листа отмечали конец — чего? Слова? Предложения?

А что тогда означал один лист?

Он тоже походил на некий разделитель. Оставались только звездочка

и точка (так я стала называть про себя седмичник и розу) — но разве можно было составить послание всего из двух символов?

Очевидно, я что-то упустила. Значение цвета? Французские узелки вместо сердцевин седмичников? Возможно, они чем-то различаются между собой? Не выпуская бумаги из рук, я бросилась к кровати, где все еще лежали синие ленты, и принялась всматриваться в крошечные стежки. Уже наступила ночь, и их освещал лишь слабый огонек свечи.

Наконец, поддавшись усталости, я рухнула на постель — не раздевшись, с зажатым в руке листком — и тут же уснула.

Глава восьмая

Судя по всему, перед тем, как уйти домой, Флорри заходила в мою комнату и, не желая меня тревожить, задула все свечи, чтобы предотвратить возможность пожара. Только такое объяснение я нашла тому, что ночью проснулась в крошечной тьме.

Меня разбудила сильная боль — от голода скрутило живот. Застонав, я попыталась вспомнить, кто я такая и что здесь делаю. Я села в кровати — и тут же замерла как статуя...

...услышав другой стон.

Стон старого дома. Тихий и жуткий. Это стонали ступеньки.

Кто-то крался вверх по лестнице.

«Опасность!» — закричал голос у меня в голове. Под весом хрупкой миссис Таппер они никогда так не скрипели. По частоте звуков я догадалась, что в дом вторглись двое, и теперь они молча поднимались по лестнице, нащупывая путь в темноте.

Поразительно, как быстро реагирует человек, даже уставший и сонный, на любые признаки опасности. Я мгновенно и неслышно смела с кровати все ленты и листы, и с этими ценными уликами осторожно опустилась на пол между кроватью и стеной.

Ровно в ту минуту, когда я растянулась по полу, повернулась дверная ручка, и дверь открылась. В комнату просочился тусклый свет. Я старалась лежать неподвижно и по возможности не дышать.

— Кровать до сих пор заправлена, — заметил один из них хриплым голосом,

который выдавал в нем уроженца Ист-Энда. — Видно, курочка сбежала из курятника.

— Полагаю, испугалась похитителей, что с ее стороны вполне разумно, — сухо отозвался его спутник. По аристократическому акценту и приятному тенору я поняла, что это мой преследователь, от которого я сбежала сегодня на Парк-лейн. — Что ж, если ее здесь нет, почему бы нам не одолжить несколько свечей?

Они забрали две мои свечи, зажгли их моими спичками и вышли из комнаты, закрыв за собой дверь.

Я перевела дыхание и торопливо, но пытаясь не шуметь, поднялась с пола, разулась и положила обувь на кровать. В одних чулках я на цыпочках подкралась к двери и прислушалась.

Они обыскивали спальню миссис Таппер.

— ...синий шелк, пышная юбка, как на платьях моей бабушки, — насмешливо произнес аристократ, как будто ему казалось забавным, что он копается в гардеробе бедной старушки. — Должно быть, оно.

— Наверняка. Дайте-ка я подол разрежу.

Довольно долго из соседней комнаты раздавался треск ткани, разрезаемой ножом (в конце концов, платье было огромным). А затем — сначала тихо, а потом с нарастающей громкостью и возмущением — из здоровяка посыпались ругательства.

— Ни черта! — взревел он.

— В самом деле, — со смешком отозвался аристократ. — Великий Пу-Ба¹

¹ Пу-Ба — персонаж комедии «Микадо», оперы в двух актах Артура Салливана и Уильяма Гилберта, заносчивый лорд; его имя стало нарицательным для самовлюбленных и властных господ.

будет недоволен. Почтовая голубка сказала, что послание в подоле?

— Старуха-то? Да какая она холубка, ничехо не знает, глухая как пень — чехо от нее добьешься. Птица ей платье подарила, вот и все, што мы из нее смогли вытянуть.

— Возможно, в оборках спрятана записка?

Снова раздался треск ткани. Бедное истерзанное платье! Кем бы ни был «Великий Пу-Ба», определенно он разговаривал с живой миссис Таппер, и от этой мысли мне стало чуть легче на душе. Однако расслабляться было рано.

— Ни черта, — пожаловался грубый здоровяк. — Его светлость подумает, што мы делаем работу спустя рукава.

Тогда я решила, что «его светлостью» эти бандиты называют загадочного Анонима, которому служат и которого, похоже, недолюбливают.

— Что ж, — скучающим голосом отозвался аристократ, — заберем платье с собой. Пускай он сам убедится, что здесь ничего нет.

— Ну и по-дурацки же мы будем выглядеть с этим чертовым платьем под мышкой!

— Однако вы не постеснялись тащить за собой старую даму в чертовом платье...

— Эт' друхое.

— ...при свете дня.

— Да кто б нас заметил?!

— А кто заметит нас сейчас, кроме пьяниц и продажных девиц? — парировал аристократ.

Послышался шум шагов. Оба негодяя, пройдя мимо моей комнаты, начали спускаться по лестнице.

«Я вас замечу», — подумала я про себя, приоткрыла дверь и выглянула в щелочку, чтобы посмотреть на них при слабом

свете, льющемся в лестничное окно с улицы. Они выглядели как силуэты в театре теней. Здоровяк меня мало интересовал, поскольку все мое внимание привлек знакомый Классический Профиль. В эту напряженную минуту я внезапно осознала, что уже видела его раньше. И едва не ахнула: к счастью, здравый смысл вовремя уберег меня от этого.

А вот удержать на месте не смог. Безопасность сейчас волновала меня куда меньше возможности проследить за похитителями и, быть может, найти миссис Таппер.

Как только захлопнулась входная дверь, я прямо в чулках сбежала вниз по лестнице, бросилась к двери и тихонько ее приоткрыла. Как и сказал аристократ, улицы пустовали, однако прямо перед скромной обителью миссис Таппер преступников ждала карета, и даже в тусклом свете фонаря было видно, что она

в самом деле двухместная, очень красивая, с желтыми спицами на колесах и запряжена подтянутой лошадейю английской породы хакнэ. Герба я не заметила, но это еще ничего не значило, поскольку дверца кареты оставалась в тени. По этой же причине я едва различила две черные фигуры, забирающиеся в салон.

На этом разведка не закончилась. Едва они закрыли за собой дверцу, как я пулей выскочила из дома миссис Таппер, молясь, чтобы ни один из них не оглянулся.

В книгах бесстрашные герои зачастую цепляются за заднюю стенку кареты и, терпя невыносимый холод, боль и прочие мучения, а также оставаясь незамеченными для врагов, добираются до темницы, где держат в заточении их возлюбленную.

Решив, что миссис Таппер заслуживает не меньшей отваги, я приподняла подол — как же мешает длинная юбка

в такие минуты! — и побежала со всех ног. Карета тоже не стояла на месте — кучер уже ударил поводьями. К счастью, милая лошадь не спешила переходить на рысь, и я успела прыгнуть на заднюю часть корпуса, надеясь, что грохот оббитых металлом колес по каменной дороге заглушит шум влетевшего в карету тела.

Я вцепилась в нее, как один из приматов Дарвина — в ствол дерева.

Вот только держаться там оказалось не за что! Я отчаянно пыталась нащупать хоть какой-нибудь выступ или углубление — следовало сразу догадаться, что ничего похожего не найдется! Если бы на экипажи лепили такие детали, любой бездельник и уличный бродяжка мог бы ездить по городу, не тратя ни пенни. К сожалению, эта мысль посетила меня запоздало. Распластавшись по гладкой стенке будто громадный паук, я чувствовала, как с каждым ухабом,

на котором подпрыгивает карета, я все больше от нее отлепляюсь.

Мы не проехали и одного квартала, как я с позором свалилась на землю. Представьте себе мою досаду, когда я, сидя на грязной улице, провожала карету взглядом.

Не обращая внимания на смех «пьяниц и продажных девиц», я поднялась на ноги и в преотвратительном настроении поплелась домой.

Остаток ночи ушел на то, чтобы перекусить хлебом и сыром, помыться и переодеться в похожее строгое платье, соответствующее образу ученой. Наконец забрезжил рассвет, и я снова принялась ломать голову над таинственным шифром с кринолина, однако все эти точки и цветочки по-прежнему ничего мне не говорили.

Впрочем, у меня оставалась еще одна небольшая зацепка.

Только-только начались часы визитов, а я уже стояла на пороге дома Флоренс Найтингейл. В этот раз меня впустила девушка в шелковом платье. Похоже, сюда без каких-либо объяснений мог войти кто угодно. Даже сейчас, в девять утра, все комнаты — столовая, маленькая гостиная, библиотека и так далее — были битком набиты гостями, которые угощались чаем и булочками. «Щеголь в бриджах» уже спешил наверх с чьей-то запиской.

Какой удивительно странный дом!

Так или иначе, задерживаться надолго я не собиралась. В большой гостиной в этот ранний час никого не было, и я отправилась прямиком к стене, завешанной масляными и фотографическими портретами, а также профилями, мастерски вырезанными из черной бумаги.

Быстро отыскав нужный мне силуэт, я внимательно его изучила. Обычно аристократические профили выглядят довольно гротескно, с выпирающими носами и подбородками, но у этого были приятные черты идеальных пропорций. Часто ли встречается такая классическая симметрия? Нет, человека определенно можно узнать по одному лишь профилю.

Маленький черный портрет висел слишком высоко, и я не могла до него дотянуться, однако мое горячее стремление отыскать бедную миссис Таппер заставило меня бесстрашно заявиться в столовую, забрать оттуда стул и вернуться с ним в гостиную. Как я и рассчитывала, в этом любопытном хозяйстве никого не волновало, чем занимаются другие.

Я забралась на него и, сняв рамку с гвоздя, слезла, опустилась на стул и повертела находку в руках.

Да. Да, как я и надеялась, на коричневой бумаге, вставленной в задник, карандашом было нацарапано имя.

*«Достопочтенный Сидни Уилмбрел,
в Дубли, лето 1853».*

Тысяча восемьсот пятьдесят третьего?!

То есть тридцать шесть лет назад?

Значит, это все-таки не мой аристократический злодей. Какая жалость.

Кстати, где сегодня пропадает Классический Профиль? Почему не следит за мной? Наверное, в его глазах мисс Месхол — обычная обывательница, снимавшая комнаты у миссис Таппер, и не представляет для него интереса, особенно теперь, когда он заключил, что она сбежала в другой пансион.

Неизвестно, зачем он следил за мной вчера.

И кто он такой.

Мне так и не удалось опознать его по силуэту.

С тяжелым вздохом я поднялась, чтобы повесить черный портрет обратно на гвоздь, но тут в гостиную вошла шумная компания, и я, повинувшись внезапному порыву, спрятала его в старую кожаную сумку, которую захватила с собой. В похожих портфельчиках студенты обычно носят бумаги. Я же положила туда то, что было бы глупо оставлять дома. Например, синие ленты с кринолина. К сожалению, не все помещалось в подушечки, которые я подкладывала на бедра и грудь.

Выйдя из гостиной, я очутилась у входа в библиотеку. Улыбчивая, но негибкая миссис Кроули уже сидела за своим столом.

Наверное, не повредит еще раз обратиться к Флоренс Найтингейл и попро-

сать о личной встрече? Пожалуй, иного выхода у меня и не было. Однако я понимала, что в этой битве неизбежно потерплю поражение и никакое красноречие не поможет мне пробиться к великой Леди с Лампой. Неуверенной тяжелой походкой я вошла в библиотеку, чтобы поздороваться с миссис Кроули, написать записку, отправить наверх...

Пропади оно все пропадом! И в первую очередь эта проклятая Флоренс Найтингейл! Какая же она, наверное, избалованная, испорченная, сварливая зазнайка! Ее утомительный метод переписки — это же пустая трата времени! Если она в самом деле обладает немалыми средствами и не желает никого к себе пускать, прикрываясь загадочной болезнью, однако участвуя во всех политических вопросах и социальных реформах, — почему бы ей не устроить систему передачи записок на шнурках,

чтобы их можно было подтягивать на верхний этаж? Или даже установить пневматическую почту, как в больших универсальных магазинах. Или еще лучше — тут меня посетила совершенно абсурдная мысль, и я мрачно усмехнулась про себя — провести телеграфные провода! Если уж Флоренс Найтингейл нравится торчать целыми днями в кровати и отправлять письма через слугу, почему бы ей не выстукивать их на телеграфном аппарате: та-та-таа-таа-та...

Тут меня словно заряд электричества пронзил луч озарения.

— Чтоб мне провалиться на этом месте! — вслух воскликнула я. — Азбука Морзе!

Глава девятая

РАЗУМЕЕТСЯ, ВСЕ ТУТ ЖЕ ПОВЕРНУЛИСЬ ко мне, но я постаралась не обращать на это внимания и, отчаянно краснея от стыда, поспешила в глубь библиотеки, где заметила огромные тома Британской энциклопедии. С томом на букву «М» я уселась за ближайший стол. От меня все отодвинулись, и я прекрасно там поместилась. Перелистывая дрожащими руками страницы, я вскоре нашла нужную.

Международная азбука Морзе основана на коротких и длинных сигналах, которые на бумаге обозначаются как точки и тире.

Ура! Розочки я сразу подсознательно сравнила с точками. Седмичники, простые цветы, похожие на звездочки с семью концами, вероятно, заменяли тире.

Выхватив из сумки листок с «. / ... / * / *..*» и так далее, я принялась расшифровывать послание, сверяясь с азбукой из энциклопедии (любезный читатель, азбука эта приведена в конце книги для расширения вашего кругозора и для того, чтобы вас позабавить). Оказалось это непросто, поскольку приходилось выискивать каждую букву.

Одна точка — Е. Лист разделяет ее со следующей буквой. Три точки — С. Еще листочек. Тире — Т. Листик. Тире, две точки, тире — Ъ. Два листа?

Конец слова!

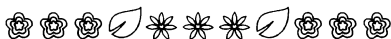
Есть! ЕСТЬ.

Через какое-то время мне удалось расшифровать первые пять слов: **«ЕСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА РЕФОРД ПРОДА-**

ЕТ ПРИПАСЫ...» Это было лишь самое начало послания, и передо мной встал нелегкий выбор. Просидеть здесь еще несколько часов, корпя над точками и тире, пока миссис Таппер, возможно, попытают жестокие преступники, или немедленно попросить Флоренс Найтингейл о встрече? И у меня была одна идея, как этого добиться.

Я выбрала второе и, убрав в сумку бумаги и карандаш, подошла к непреклонной миссис Кроули, сидящей за своим столом. На этот раз я не стала возражать, когда она протянула мне кремовый листок и синие чернила, а только улыбнулась и покорно их приняла.

Нельзя сказать, что я написала записку. Скорее я ее нарисовала. Торопливо и без затей:

Промокнув и сложив листок, я протянула его миссис Кроули, а она передала слуге в бриджах, и он поспешил наверх. Я дожидалась его у подножия лестницы.

Не прошло и минуты, как Щеголь (так я про себя начала его называть) спустился и с потрясенным видом произнес:

— Мисс Найтингейл хочет вас видеть. За мной, пожалуйста.

* * *

Все мои выводы о Флоренс Найтингейл оказались неверными — я выяснила это несколько минут спустя, встретившись с этой выдающейся леди лицом к лицу. Меня отвели в просторную комнату на самом верху, залитую светом из не задернутых шторами окон. В огромной постели, богато убранной мягкими подушками с бантиками на

уголках и пуховым одеялом в шелковом пододеяльнике, сидела пухлая улыбчивая дама, которую несколько десятилетий назад сочли бы удивительно красивой. Волосы с прямым пробором были по-простому зализаны назад, как было модно в дни ее юности, — и их до сих пор не тронула седина! На очаровательном симметричном лице я не заметила ни морщинки! Она сияла не меньше, чем ее солнечная спальня, где не были слышны голоса с первого этажа. Сюда доносились только птичьи трели из открытого окна. Право слово, эта комната походила на райский уголок блаженства в сердце шумного грязного Лондона.

Так же блаженно мисс Найтингейл произнесла:

— Прошу, садитесь.

Она показала на кресло, придвинутое к изножью кровати. Как я с удовольствием отметила, оно стояло совсем ря-

дом с окном. Я подошла к нему и села. Мисс Найтингейл изучала меня с неподдельным интересом.

— Признаюсь, я ожидала более взрослую посетительницу, — заметила она, показывая мне мою же записку с зашифрованным в цветах посланием «SOS». — Откуда вам известно о моих розах и седмичниках? Но прежде всего назовите, пожалуйста, ваше имя.

Поразительно, как вежливо она говорила, но при этом в открытую и не тратя времени зря. Это побудило меня дать ей искренний ответ:

— Любезная мисс Найтингейл, я могла бы назвать вам любое из моих имен, но сейчас у меня нет сил на притворство.

Она кивнула, как будто мой ответ показался ей вполне естественным. Ее волосы украшал белый платок, аккуратно повязанный на затылке, далеко от лба,

словно призванный подчеркнуть блеск ее гладких волос. Края платка были завязаны под подбородком, и кружево каскадом ниспадало на бархатную ночную кофточку. Когда мисс Найтингейл кивала, они слегка покачивались.

— Вижу, вы чем-то сильно встревожены, — мягко сказала она. Как я позже узнала, эта дама никогда не повышала голоса, даже в годы войны в Крыму, и это было одним из ее самых известных качеств. — Насколько я понимаю, ваша беда как-то связана со мною?

— Возможно, — ответила я и кратко, но стараясь не упускать важных деталей, пересказала ей обстоятельства похищения миссис Таппер, начиная с грубо начирканного послания «ПОЧТОВАЯ ГОЛУБКА С ПТИЧЬИМИ МОЗГАМИ НЕМЕДЛЕННО ДОСТАВЬ СВОЕ ПОСЛАНИЕ, А НЕ ТО ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО ПОКИНУЛА СКУТАРИ»,

которое исчезло вместе с моей несчастной хозяйкой. К счастью, я помнила его наизусть. Как и слова бандитов, которые передала мне Флорри: «Мы знаем, што вы шпионили для Птицы!»

— Действительно, несогласные со мной называли меня Птицей и в своих политических карикатурах наделяли меня птичьими чертами, — отвлеченно произнесла мисс Найтингейл, отвернувшись от меня и... Здесь надо объяснить, что изголовье кровати, явно сделанное на заказ, состояло из множества ящичков и полочек, набитых разнообразными бумагами, и именно там Флоренс Найтингейл сейчас что-то искала. А на прикроватном столике с зеленой скатертью стопки бумаг окружали электрическую — электрическую! — лампу. Да, этот дом и впрямь был полон сюрпризов! Впрочем, преданная реформам дама вполне могла потратиться на та-

кую лампу, чтобы продолжать вести переписку даже после захода солнца. Я заметила, что, в отличие от лица мисс Найтингейл, руки ее выглядят старческими и покрыты мозолями.

Наконец она нашла то, что искала, повернулась обратно и показала мне мою вчерашнюю записку: **«пожилая дама похищена бандитами»**.

— Да, это написала я.

— Признаюсь, мой ответ был предельно честным, дорогая. Я не помню никакой миссис Таппер.

Я вытащила из сумки свадебную фотографию миссис Таппер, которую носила с собой на всякий случай.

Губы мисс Найтингейл сложились в аккуратную букву «О».

— Теперь вы ее вспомнили?

— Да, моя милая, вспомнила. Признаюсь, имя вылетело у меня из памяти, поскольку ей я доверилась лишь

однажды, по крайней необходимости. Я так и не узнала, почему ее послание не было доставлено и что с ней стало.

— Так вы в самом деле были шпионкой?! — восхищенно прошептала я.

— Армейские офицеры выступали против меня, простой женщины, с не меньшей горячностью, чем против русской армии. В ответ я выступала против них, — спокойно объяснила мисс Найтингейл.

— Я думала, вы поехали туда, чтобы помочь раненым?!

Она печально улыбнулась:

— Разумеется, но врачам и офицерам не нравилось мое вмешательство. Они видели в моем появлении угрозу их привычному образу жизни, полному пикников, игры в поло, скачек, развлечений добрых старых времен. И были правы. Я считала, что офицеры обяза-

ны заботиться о солдатах, а не отдыхать, а врачи — приглядывать за ранеными и больными.

— Они этого не делали?

— Врачи — хирурги — не гнушались отпиливать конечности раненым, но к заразным не подходили никогда, из страха подхватить инфекцию. Они старались по возможности снять с себя все обязательства. Порой больных даже оставляли без еды. Они лежали в одиночестве — грязные, завшивленные... — Мисс Найтингейл резко осеклась, и ее взгляд снова сфокусировался на мне. Она вернулась из трагического прошлого к не менее печальному настоящему. — Так скажите, моя безымянная подруга, что стало с посланием, которое я адресовала лорду Уимбрелу?

— Лорду Уимбрелу? — эхом отозвалась я.

— Да, Сидни Уимбрелу, настоящему патриоту и моему самому преданному союзнику.

Любопытно. Только недавно я разглядывала его силуэт.

— Без него не принималось никаких решений. Он имел огромное влияние на королеву. Лорд Уимбрел давно почил, но его доброе имя остается неопороченным... Вам известно, где сейчас это послание?

— Если вы про шифр на лентах кринолина миссис Таппер — он сейчас у меня.

Флоренс Найтингейл впервые за мой визит расслабила плечи и откинулась на подушки. Из комнаты этажом ниже лились сладкие звуки музыки. Кто-то на пианино играл Моцарта.

— Вы умны, — сказала мисс Найтингейл — без похвалы и без осуждения, как бы констатируя факт. — Что

ж, хорошо. Мое потерянное сообщение у вас. Я бы попросила его назад, во избежание скандала.

— Скандала?

— Реформы, которым я посвятила жизнь, наконец приняты и приводятся в действие, и все разногласия забыты. Ни к чему ворошить прошлое. Не могли бы вы...

— Меня не волнует политика! Я всего лишь хочу узнать, кто похитил миссис Таппер!

— На этот счет у меня нет никаких предположений. Хотя я не меньше вашего в этом заинтересована: ведь если она расскажет им про послание...

Внутри меня нарастали раздражение и нетерпение. Я не выдержала и перебила ее, заговорив на повышенных тонах:

— Миссис Таппер катастрофически глуха и с трудом поймет, чего хотят от нее похитители. Мало того — к тому

времени, когда вы доверили ей свои несчастные розы и седмичники, она уже оглохла!

— Ох, господи! — ахнула мисс Найтингейл. — И как же я этого не заметила? Но позвольте, я дала ей карточку с адресом...

— Она умеет читать печатные буквы, и то с трудом, но уж никак не рукописные. Сомневаюсь, что она разобрала ваш почерк.

— Помилуйте! Я полагала... нет, о чем я думала?!

Я смягчилась:

— Не сомневаюсь, что вас тогда занимали другие, не менее важные вопросы и вы не смогли уделить этому достаточно внимания. В любом случае, поскольку миссис Таппер не поняла ни слова из того, что вы сказали, она вряд ли знала, для чего ей карточка, и не подозревала, что везет некое послание. Пока

мы с вами разговариваем, преступники терзают то синее платье, которые вы ей подарили, и ищут в нем записку. Скажите, пожалуйста, — кто они?

— Я не знаю, — повторила Флоренс Найтингейл.

— У вас нет ни единой догадки?!

— Молодой лорд Уимбрел только-только вступил в палату лордов. Возможно, недруги ищут способ опорочить его доброе имя. В то же время это могут быть друзья или потомки тех, о ком я писала. Признаюсь, на ум не приходит ни один человек, который бы не хотел заполучить это сообщение. — Она говорила искренне, и я вынуждена была ей поверить. — Право слово, не знаю. Однако непременно это выясню, — уверенно добавила мисс Найтингейл тоном человека, который привык поступать как ему вздумается. — И уже предприняла некоторые шаги.

— Какие же?

— Ваша вчерашняя записка сильно меня встревожила, несмотря на то что я никак не могла вспомнить, кто такая миссис Таппер. Мне вспомнился один хорошо известный консультирующий детектив, и сегодня утром я за ним послала. Он должен скоро прибыть.

Мне вдруг стало тяжело дышать, будто в шею вцепились невидимые руки. Мисс Найтингейл озадаченно и с интересом взглянула на меня.

— Кто? — выдохнула я.

— Почему бы вам не назваться сейчас, моя дорогая? Рано или поздно я узнаю ваше имя. Уверена, мистер Шерлок Холмс меня обяжет.

Глава десятая

МОЙ БРАТ! МОЖЕТ ПРИЙТИ СЮДА
В ЛЮБОЙ МОМЕНТ! И если он меня уви-
дит...

Любезный читатель, помните, что
в тот момент я была в отчаянии, устав-
шая и голодная... Впрочем, это все
жалкие оправдания. Мне следовало
разумно подойти к вопросу, придумать
какое-нибудь объяснение и спокойно
уйти. Однако я не могла рассуждать
логически.

Стыдно признать, но я запаникова-
ла. Вскрикнула, вскочила на ноги и, не
попрощавшись, ничего не сказав, слепо

помчалась к выходу, обогнула кровать мисс Найтингейл...

Вдруг она проворно отбросила одеяло, спрыгнула с постели и босиком, в кружевной сорочке, словно опытная спортсменка подбежала к двери, легко опередив меня и перегородив мне дорогу.

Я никак не ожидала такого от якобы больной леди и от потрясения замерла посреди комнаты с разинутым ртом.

— Почему вы так испугались? — спросила Флоренс Найтингейл.

— Почему вы лежите в кровати, если можете ходить? — одновременно с ней выпалила я.

— Боже, как нахально молодое поколение! — произнесла она все тем же тихим, сладким голосом. — Садитесь обратно, моя дорогая, и я, так и быть, все вам объясню.

Все еще ошеломленная произошедшим, я послушно опустилась в кресло. Мисс Найтингейл забралась под одеяло и аккуратно его подоткнула.

— Когда я вернулась домой после двух тяжелых, изматывающих лет в Крыму, я буквально упала без сил на свою постель, уверенная, что скоро умру.

Вполне естественное ожидание, учитывая, что ей тогда было уже за тридцать.

— Однако недели перетекали в месяцы, месяцы в года, а я все жила, и мой ум будоражила необходимость реформ. Столько всего надо было сделать...

Я, сама бунтарка, наконец начала ее понимать.

— Вы не хотели тратить время на условности общества.

От дам высокого положения требовалось наносить визиты другим важ-

ным семьям, переодеваться по несколько раз на дню, развлекать гостей, ходить в театр и так далее и тому подобное. На себя времени почти не оставалось, и роль таких леди в обществе была исключительно декоративной.

— Именно. — Глаза Флоренс Найтингейл одобрительно блеснули. — Я доверила вам свой секрет — доверьте и вы мне свой. Почему вы скрыли свое имя и почему боитесь мистера Шерлока Холмса?

Мне искренне хотелось поведать ей всю правду, сказать, что Шерлок Холмс мой родной брат, которым я восхищаюсь и с которым с радостью поддерживала бы теплые отношения — ведь, не считая сбежавшей матери, из семьи у меня остались лишь Шерлок и Майкрофт, — но они оба презрительно относятся к женскому полу, желают надо

мною полной власти и намерены заточить меня в школу-пансион или некую подобную тюрьму. Поэтому я не хотела... не могла... Нет, я должна была их избегать.

Как бы меня ни тянуло рассказать об этом мудрой и ласковой Флоренс Найтингейл, я понимала, что это было бы ошибкой.

— Мне страшно, что он обо мне узнает, — туманно произнесла я, судорожно подыскивая правдоподобное объяснение. К сожалению, именно сейчас воображение меня покинуло, и слов не находилось...

Как ни странно, на помощь мне пришла сама мисс Найтингейл.

— Моя дорогая, — мягко сказала она, — если миссис Таппер для вас всего лишь хозяйка пансиона, разве не странно, что вы так сильно за нее переживаете?

Не может быть! Она решила, будто я внебрачная дочь аристократа и оберегаю его от скандала, который неизбежно последует за тем, как общество узнает о его связи с...

...миссис Таппер. Какая нелепица! Бедная глухая миссис Таппер, считающая каждый пенни... Чтобы она была моей матерью?!

Однако не так уж это и нелепо: ведь милая хозяйка в самом деле была мне как мать и даже роднее, чем...

...мама, от которой за последние несколько месяцев, прошедших с дела о таинственных букетах, я не получила ни одной весточки. Которую я не искала, потому что боялась обнаружить, что она не испытывает ко мне никакой привязанности...

Мне даже не пришлось лгать: переполнявшие мое истерзанное сердце чувства вышли наружу, и по щекам сами

собой потекли слезы. Они и послужили моим ответом.

Практичная мисс Найтингейл достала из прикроватного столика аккуратно сложенный кружевной платок и протянула мне.

— Милая, — ласково произнесла она, — мистер Шерлок Холмс известен как достойный джентльмен, и с ним ваша тайна будет в безопасности.

Я помотала головой и встала с кресла, на этот раз не забыв захватить свою кожаную сумку:

— Уверена, вы меня извините.

Добрая мисс Найтингейл кивнула.

* * *

Все еще в растрепанных чувствах, я пошла напрямую к лестнице.

Большая ошибка. Мне следовало воспользоваться черным ходом для слуг, чтобы пройти незамеченной и поки-

нуть дом через кухню и задний двор, но я, забыв о здравом смысле, поспешила назад тем же путем, которым пришла, — через музыкальную комнату и гостиную к широкой главной лестнице, — и беспечно побежала вниз по ступеням...

— Боюсь, мисс Найтингейл сейчас занята. К тому же она принимает гостей по одному, — говорил кто-то снизу.

— Придется сделать исключение, — прозвучал до боли знакомый голос.

Я чуть не оступилась и не сорвалась с лестницы. На меня нахлынула внезапная слабость, и пришлось схватиться за перила.

— Ватсон — мой незаменимый советник в таких вопросах.

Шерлок! Вместе с добрым доктором Ватсоном у подножия лестницы разговаривает со Щеголем, который пытается

объяснить, что принять готовы только одного детектива.

А я тем временем стояла всего в двадцати футах от них, на виду и в полной растерянности, выпучив глаза будто мертвая рыбина.

Доктор Ватсон, к счастью, меня не замечал. Если бы он узнал «секретаря доктора Рагостина», мне пришлось бы распрощаться с личиной мисс Месхол. Милый врач с восхищением, словно загипнотизированный, смотрел в открытую дверь одной из маленьких гостиных. Вероятно, увидел там мистера Гладстона.

А вот цепкий взгляд Шерлока упал прямо на меня.

— Энола! — воскликнул он. На лице его читались радостное возбуждение и целеустремленность.

Я не могла отвести от него глаз, но и стоять на месте не хотела, поэтому стала пятиться назад.

Шерлок же не пошевелился.

— Энола, — позвал он. — Стой. Подожди. Доверься мне. Пожалуйста.

Признаюсь, смысл его слов дошел до меня лишь тогда, когда я уже развернулась и помчалась прочь, будто до смерти перепуганный олень. Уже после того как гостиная и музыкальная комната остались позади, ко мне пришла запоздалая мысль о лестнице для слуг, но, обуреваемая паникой, я не могла ее отыскать. Пролетев мимо огромного рояля и стола-тумбы, я понеслась по коридорам, открывая дверь за дверью и обнаруживая за ними передние комнаты, ведущие дальше в глубь дома. Я слышала быстрые шаги Шерлока и его взбудораженный голос:

— Энола! Проклятье, где же она?!

Видимо, он оттолкнул Щеголя и помчался за мной следом, а Ватсон навер-

няка последовал за ним. Получалось два против одного, и эта мысль меня подгоняла. За спиной хлопали двери. Шерлок напал на мой след:

— Энола!

По слепой удаче я набрела на узкую лесенку, которая вела только вверх. Взобравшись по ней, я снова очутилась у двери спальни Флоренс Найтингейл.

Я ворвалась внутрь и затворила ее за собой.

Шелковое одеяло зашевелилось, и мисс Найтингейл тихо, ласково произнесла:

— Боже. Что случилось?

Я молча оглянулась назад и увидела, что ключ торчит в скважине. Повернув его, я поспешила к окнам мимо громадной кровати мисс Найтингейл. К тем самым окнам, из которых открывался чудесный вид на кроны деревьев в саду за домом. На ходу я отстегнула

свой ремень и продела его в ручку сумки. К счастью, страх мой был настолько велик, что я больше не тряслась и не дрожала. Напротив, я ощутила прилив сил, и пальцы работали быстро и ловко. Поспешно приладив драгоценный багаж к талии, я оценила свои шансы на побег. Выбрав одно конкретное окно, я широко его распахнула.

— Энола! — крикнул мой брат из-за двери и дернул за ручку.

Мисс Найтингейл, разумеется, могла бы ему ответить или встать с постели, подойти к двери, повернуть ключ и впустить в комнату. Только она ничего из этого не сделала. Она молча наблюдала за мной, пока я забиралась на подоконник. По крайней мере, я подозревала, что она смотрит на меня.

Высунувшись из окна, я подобралась и словно мартышка прыгнула на ближайшую ветку.

Пальцы вцепились в кору, и я повисла высоко над землей. Меня бы непременно озадачил вопрос, как теперь спуститься, если бы не другие насущные тревоги, терзающие сейчас мой разум. Не тратя времени на размышления, я раскачалась на ветке, отпустила ее и вцепилась в следующую, чуть ниже. Повторив этот маневр с десятков раз, я наконец спрыгнула на землю. Дальше я помчалась мимо огорода, пробежала через беседку, увитую виноградными лозами, обогнула туалет, влетела в липовую рощу и вскоре добралась до ограды из кованого железа. Забравшись на нее, я оглянулась и увидела в окне верхнего этажа мисс Найтингейл — ее легко было узнать по повязанному на голове белому кружевному платку. Похоже, она наблюдала за мной с блаженным интересом, хотя с такого расстояния

сказать было трудно. Ни моего брата, ни доктора Ватсона нигде не было видно.

* * *

Я спустилась в метро, и поезд понес меня прочь от дома мисс Найтингейл, по тоннелю, напоминающему дорогу в ад — настолько в нем было темно и душно. Дым пробирался мне в легкие. Однако именно там я наконец смогла перевести дух и поразмыслить над сложившейся ситуацией.

«Пропади все пропадом! Энола, как же теперь быть?» — жалобно спросила я саму себя.

Вероятно, в эту минуту мой милый Шерлок и моя милая мисс Найтингейл ведут беседу, снабжая друг друга ответами на касающиеся меня вопросы. Он объяснит, что я — его сбежавшая сестра. Она расскажет, что пропавшая

миссис Таппер — хозяйка пансиона, в котором я живу.

О боже. Душа у меня ушла в пятки. Я осознала, что не смогу вернуться в ее пансион. Ведь Шерлок наверняка попытается его отыскать, чтобы напасть на мой след. А я знаю своего брата — он непременно его отыщет.

Выходит, я осталась без крыши над головой.

И пойти мне было некуда. Вдруг Шерлок или даже злодейский Классический Профиль сейчас за мной следят? Было бы ужасно привести любого из них к конторе доктора Рагостина.

У меня не было убежища.

И не было плана.

Редко мне приходилось так тяжело...

«Нет, Энола, так не пойдет, — прозвучал голос у меня в голове, одновременно и мамин, и мой собственный. Даже если бы я никогда больше

не увидела свою мать, ее частичка все равно осталась бы жить во мне. — Ты рискуешь потерять свободу, а миссис Таппер — жизнь. Сначала найди свою бедную хозяйку, а уж затем позаботься о себе».

Вдохнув полной грудью едкий воздух метро, я зажмурилась и погрузилась в полную темноту.

Думай.

Что ж.

Кто похитил миссис Таппер?

Флоренс Найтингейл сказала, что перехватить послание и предотвратить или, напротив, вызвать скандал может близкий человек любого из тех, «о ком она писала».

О ком она писала?

И с чем все это было связано?

Миссис Таппер тридцать с лишним лет прожила в полном спокойствии, и кринолин мирно лежал у нее в шка-

фу. Почему именно сейчас некто решил разворошить прошлое?

Этого я не знала.

Однако кожаная сумка была все еще при мне, а в ней лежали синие ленты.

Оставалось только расшифровать послание до конца.

Глава одиннадцатая

Я БЫ НЕ СПРАВИЛАСЬ БЕЗ КОПИИ АЗБУКИ Морзе.

Где же ее найти? В Британском музее? Фу. Там полно противных стариков. Нет, мне нужна тихая гавань, нужно безопасное святилище. А также — поскольку булочками в доме мисс Найтингейл я не угостилась — хоть какая-нибудь еда: живот громко урчал от голода.

Наконец мои мысли упорядочились, и одна из них показалась мне настолько привлекательной, что я невольно улыбнулась. Покинув вагон на подходящей станции, я уединилась в углу и привела себя в порядок, а затем вышла на лон-

донские улицы и украдкой огляделась. Поблизости не было ни злодея с приятным лицом, ни каких-либо других признаков опасности.

Я добралась до широкой улицы и вызвала кеб.

— В центр, — бросила я кучеру, чтобы никто не знал точно, куда мне надо.

Доехав до места, я немного прошлась и, вздохнув с облегчением, открыла дверь первого Женского клуба в Лондоне — а может, и во всем мире. Мне еще не доводилось его посещать, однако я была о нем наслышана. В эту крепость не пускали мужчин, как и в мужские клубы не пускали женщин. Однако джентльменов вынуждали искать покровителей, чтобы получить членство, а в женский клуб принимали всего лишь за определенную плату — достаточно большую, чтобы вступить могли только дамы состоятельные, из приличных слоев общества.

Выписав чек и получив членскую карточку, я прошла в основное помещение и огляделась в поисках удобного сиденья. Кивнув другим посетительницам (молодые дамы оказались одеты примерно так же, как и я), я заказала чай с сэндвичами и устроилась в библиотеке с томом энциклопедии на букву «М».

Через несколько часов, чашек чая и сэндвичей из шифра

. / ... / * / *.. V *.. / *** / *. / . /
 **.. / . / * / . / .. / *. / ... / * / **. / .
 V *. / . / .. / *** / . / *. V **. / . /
 *** / *.. / . / . / * V **. / . / .. / **. /
 . / ... / *. V *. / *** / . / ... / * / . /
 * / * / .. / . / *** / **. / .. / *. V *. /
 *. / . / *** / *. V *** / *... / . / . /
 **. / . / .. / . / ... / *. V *. / . /
 .. / *. / **** / . / . / *. V ... / *** / .. /
 .. V *. / . / **. / .. / . / *. V *... / . /
 .. / .. / ... / **. / . / ** / . / *** V

*** / ..* / .. / **.. / . / ..* / * / ** V *... / . /
 .. / ..* / * / **.. / ..* / .. / *. / * / ***
 V .. / ..* / .. V ... / ..* / ...* / . V * /
 . * / ...* / .. / ..* / * / ** / * / ... / ..* V
 ..* / *** / ** / * V ..* / ** / *.. / .. V
 ** / . / ..* / **.. / * / ..* / * V ** / *** /
 ..* / *** / *.. / * / ** / * V ..* / ** / .. /
 ..* / * / ** / * V ..* / ** / *** / ..* / ..* /
 ..* V ..* / *** / ** / ..* / .. / ..* / ..* /
 * / . V ** / ..* V ** V *** / * / ***. / * /
 ..* / * / .. / .. V ..* / * V

получилось следующее:

ЕСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА РЕФОРД
 ПРОДАЕТ ПРИПАСЫ КОНСТАНТИ-
 НОПЛЬ РЫНОК ОБРАЩАЛАСЬ КРУК-
 ШЕНК ХОЛЛ РЕГЛАН БЕЗУСПЕШНО
 ОФИЦЕРАМ БЕЗРАЗЛИЧНО ИЛИ ХУЖЕ
 НАЖИВАЮТСЯ ПОКА ЛЮДИ МЕРЗНУТ
 ГОЛОДАЮТ УМИРАЮТ УМОЛЯЮ ПО-
 ВЛИЯЙТЕ КВ В ОТЧАЯНИИ ФН

«ФН», очевидно, было подписью «Флоренс Найтингейл», а «КВ», вероятно, означало «королева Виктория». Но кто такие Рефорд, Крукшенк, Холл, Реглан?

Я взяла том Британской энциклопедии на букву «К», нашла раздел про Крымскую войну и выяснила, что Крукшенк был генералом, Холл — главным медицинским экспертом, Рефорд — удивительно бесполезным поставщиком, а Реглан — обворожительным, но неумелым военачальником, свидетельством чему была так называемая «атака легкой бригады»¹, в которой из-за ошибки в приказе сотни кавалеристов умчались навстречу верной смерти.

¹ Англ. The Charge of the Light Brigade — это событие осталось в памяти благодаря одноименному стихотворению Альфреда Теннисона, которое до сих пор входит в школьный курс английской литературы.

Я прочитала про всех подозреваемых по отдельности и обнаружила, что они, как и лорд Сидни Уимбрел, уже почили и ни найти, ни допросить их нет возможности.

Что же теперь делать?

Ответа на этот вопрос я не знала. Я никак не могла сосредоточиться. Мне все казалось, что Шерлок Холмс перехватит меня сразу, как только я выйду на улицу, хотя он явно не мог проследить за мной досюда. Тревожные мысли не давали мне сидеть спокойно, и я принялась бродить по клубу, почти не замечая приятного убранства комнат для чтения, завтрака, игры в карты и чаепитий, выполненного в восточном стиле. Я все рисовала в воображении кошмарные сценарии с участием моего брата Шерлока, мисс Найтингейл, Майкрофта, доктора Ватсона, Скотленд-Ярда, судей в белых

париках, кошмарных матрон из школы-пансиона и так далее.

Энола, так не пойдет. Подумай о миссис Таппер.

Для этого надо было составить список.

Я зашла в небольшую, но уютную гостиную, села на обитый ситцем роскошный диван неподалеку от компании дам возраста моей мамы, взяла бумагу и карандаш и записала:

Где миссис Таппер?

В чьем экипаже ее увезли?

Зачем? С кем она должна была поговорить?

Кто такой Классический Профиль?

И так далее. Любезный читатель мог заметить, что первый вопрос получился глуповатым — отчасти из-за моего смятенного состояния, отчасти потому, что меня отвлекали обрывки интерес-

ных интеллектуальных разговоров дам по соседству. К примеру, высокая леди в свободном «эстетическом» платье¹ и ниспадающими на спину седыми волосами говорила:

— ...бедный милый Родни, такой приятный, добросердечный джентльмен, но при этом печально слабохарактерный, в то время как его младший брат...

— Любопытно, как теория эволюции объясняет то, что власть получил старший брат, когда у младшего больше потенциала?

— Здесь вопрос не в эволюции, моя дорогая, а в наших нелепых законах первородства.

¹ Мода второй половины XIX века – свободное платье без корсета, выкрашенное естественными красителями (и потому неяркое), украшенное вышивкой и мелкими складками. Дам в таких платьях часто изображали на своих картинах прерафаэлиты (они, собственно, эту моду и ввели).

— Как жаль! — вставила другая их собеседница. — Родни готов делать все, что скажет ему Джефффри, а тот хоть и волевой человек, но, говорят, не самый лучший.

Зачем я прислушивалась к сплетням о незнакомых мне людях, когда требовалось размышлять о деле? К сожалению, отстраниться от них не получалось. Мне следовало бы уйти в другую комнату, но я осталась.

До меня донесся приятный голос пожилой дамы:

— Да, его милая матушка была бы горько разочарована. Впрочем, в этой семье добрый характер всегда проявлялся только по женской линии!

— Разве не во всех благородных семьях так?

За волной смеха последовал неожиданный вопрос, который задала седая дама в «эстетическом» платье:

— К слову о благородных семьях и добром характере: есть ли новости о леди Евдории Холмс?

Она говорила о моей матери! От того, как беспечно, вскользь упомянули ее имя, у меня защемило сердце и сдавило грудь. Вокруг все закружилось, и на мгновение я испугалась, что упаду в обморок. Нет, вот еще глупости! Я не могла потерять сознание — нельзя было пропустить ни слова! С трудом пытаюсь унять сердце и выровнять дыхание, я наострила уши, не смея, однако, поднять глаза на тех, за кем подслушивала.

— ...со дня ее исчезновения о ней нет вестей, и неизвестно даже, живали она.

— О, уверена, она в добром здравии, — вставил третий, насмешливый голос. — У леди Евдории железный стержень. Она не из тех, кто готов лечь и умереть. Полагаю, она «смылась» —

как выражается сейчас молодое поколение.

Все согласно замычали.

— Надеюсь, это и правда так, — сказала эстетичная дама, — и она наконец получила возможность наслаждаться жизнью по своим правилам.

Эти дамы были подругами моей матери. Подругами моей матери! Поразительно, какое влияние оказала на меня эта элементарная мысль. Душа заняла от тоски. Как бы мне хотелось перенять немножко их уверенности, что мама жива, здорова и счастлива!

— Как знать, быть может, она отправилась за границу, — предположила насмешливая дама. — Она всегда мечтала о путешествиях.

Я об этом не знала!

— В таком случае будем надеяться, что она и близко не подплывет к Балканам.

— Там, как всегда, беспокойно?

— Ходят слухи. Еще говорят, кто-то намерен разжечь скандал, связанный с Крымской войной.

— Опять?! Кому потребовалось ворошить это грязное прошлое?! Зачем?

— Действительно, зачем?

— Не имею ни малейшего представления.

— Возможно, это снова как-то связано с Рефордом? Возвращение к тому отвратительному случаю только навредило бы...

— ...прогрессивный дух современности...

Они перешли на тему политики и реформ, и мне наконец удалось отстраниться от их разговора, отбросить мысли о маме и подавить противоречивые чувства (это у меня получалось все лучше и лучше) и написать следующее:

С чего начался этот кошмар?

Кто хотел, чтобы миссис Таппер доставила послание, и почему?

Кто получал от этого выгоду? Противники реформ?

Преступник надеялся опозорить Флоренс Найтингейл?

Кто знал о том, что именно миссис Таппер была посланницей Птицы?

Я замерла с карандашом в руке. Видите ли, последний вопрос следовало задать с самого начала. Кто знал о существовании загадочного кринолина? Привычные «почтовые голубки» мисс Найтингейл, судя по всему, о послании не подозревали, как и сама миссис Таппер не ведала о том, какое важное несет сообщение...

Так кто знал? Определенно не Рефорд, Крукшенк, Холл или Реглан! И не их наследники.

Кому обычно известно о зашифрованных письмах? Очевидно, отправителю. В большинстве случаев также тому, кто доставляет письмо. Скорее всего, и получатель должен догадываться, что ему следует чего-то ожидать.

Значит, первая подозреваемая — Флоренс Найтингейл? Я записала:

Мисс Найтингейл не помнит имени миссис Таппер.

Мисс Найтингейл наняла Шерлока Холмса, чтобы отыскать миссис Таппер.

Личное впечатление: мисс Найтингейл не лжет.

Разумный вывод: мисс Найтингейл не виновна.

Что ж. Если мисс Найтингейл в этом не замешана — а сама миссис Таппер,

конечно, не стала бы подстраивать свое похищение, — остается только лорд Сидни Уимбрел.

— Но он же союзник мисс Найтингейл — точнее, был им до того, как отбыл на тот свет! — прошептала я себе под нос и усмехнулась: — Разве что его призрак...

Нет, какие тут шутки! Я своими глазами видела человека с точно таким же профилем, как у покойного Сидни Уимбрела. Неужели меня преследовал его призрак?! Нет, в рациональном мире научной искательницы не было места привидениям. Значит, этот джентльмен, совершенно не по-джентльменски надругавшийся над старым синим платьем и похитивший миссис Таппер, связан с лордом Сидни Уимбрелом кровным родством — вероятно, он его...

...сын?

Какая чушь! Уимбрелы — одна из самых почитаемых в Англии фамилий. Чтобы наследник этой доброй семьи связался с бандитом из Ист-Энда, чтобы он ударил и похитил бедную, глухую старушку — да это просто смешно!

Однако какие еще оставались варианты?

К тому же Флоренс Найтингейл упоминала что-то о необходимости защитить Уимбрелов от позора, не так ли? И о том, что юного Уимбрела недавно приняли в палату лордов?

Разве те двое негодяев, ворвавшихся в скромный пансион миссис Таппер, не говорили о некоем «его светлости»?

— Чтоб меня черти съели! — прошептала я, понимая, что этот вариант и был правильным, каким бы нелепым он ни казался. — Вот с чего все началось!

* * *

Несколько минут спустя я уже отыскала в библиотеке Женского клуба справочник Бойлса, в котором содержались все основные сведения о знатных родах, и нашла в нем нужный адрес. Переписав его на бумажку, я задумчиво нахмурилась.

Я все не могла избавиться от удивления и, признаюсь, страха. В эту мрачную минуту мне вспомнилось утверждение философов восемнадцатого века Александра Поупа¹ и его единомышленников, что «все в мире происходит к лучшему» — другими словами, если умирает младенец, надо убедить себя, что жилось бы ему все равно тяжело, поскольку тысячи сирот голодают

¹ Александр Поуп — один из крупнейших авторов британского классицизма, представитель Просвещения и последователь «философии оптимизма».

в детских домах, это нужно для некоей высшей цели. А в моем случае: если меня преследуют и я не могу вернуться домой и отоспаться в своей постели — разве не чудесно, что сегодня мне есть куда пойти?

В справочнике я нашла много интересного о семье Уимбрелов, но больше всего меня интересовал адрес их городского особняка, в котором я очень надеялась найти миссис Таппер.

Глава двенадцатая

УИМБРЕЛ-ХОЛЛ РАСПОЛАГАЛСЯ СОВСЕМ недалеко от дома Флоренс Найтингейл, в Мейфэре. Это был величественный белый четырехэтажный особняк. Ночью, все с той же старой кожаной сумкой и все в том же темном платье, в которое я переоделась утром, я стояла в тени дубов напротив Уимбрел-холла и гадала, не этот ли самый адрес написала Флоренс Найтингейл на карточке, которую дала тогда миссис Таппер в аду Скутари.

Перспектива вскарабкаться на особняк в итальянском стиле, с угловой об-

лицовочной кладкой и декоративными кронштейнами, выглядела заманчиво. Однако, каким бы легким это ни казалось, не все можно решить таким образом. Предположим, я перелезу через ограду, заберусь в окно башни, не попавшись никому на глаза, и отыщу миссис Таппер. А что потом? Вряд ли она вылезет со мной в окно и спустится по стене.

Хм.

Обычно я добивалась своего хитростью или подкупом. Только в этот раз мне приходилось иметь дело с людьми состоятельными, которым и без меня деньги оттягивали карманы. Поскольку ни один из моих методов сейчас не пригодился бы, я была вынуждена прибегнуть к новому.

Видите ли, из справочника Бойлса я узнала, что лорд Сидни Уимбрел оставил после себя двух сыновей: старшего

Родни, который и стал новым лордом Уимбрелом, и младшего Джеффри.

Теперь, только теперь я поняла, какое значение имели для меня те сплетни, которые я подслушала в Женском клубе! Родни? Джеффри? Нет, однозначно, это не было совпадением. Тем более что первый недавно вошел в палату лордов, и неудивительно, что о нем начали судачить.

Если верить тем милым дамам, Родни был человеком добросердечным, а значит, к нему можно было обратиться с просьбой освободить миссис Таппер. Если младший, менее порядочный брат, еще от нее не избавился... Мне не хотелось верить, что потомок уважаемого лорда Сидни Уимбрела способен на такую низость — однако что еще он мог с ней сделать после того, как похитил и выпытал нужную ему информацию?!

Нет, к черту логику! От нее только щемит сердце. Да и вдруг она заставила меня пойти по неверной дороге? Вдруг, войдя в Уимбрел-холл, я выставлю себя полной дурой или, того хуже, уже не выйду обратно?

Энола, если ты не будешь полностью в себе уверена, у тебя ничего не получится. Продумай план. Не спеши.

Так я и поступила. И тут же обнаружила, что не одна наблюдаю за особняком. Бедняк с седой бородой бродил вдоль канавы, будто что-то там выглядывая. Судя по качественной, как у джентльмена, одежде, он не был попрошайкой. Сгорбившийся от старости, он опирался на трость, что, однако, не скрывало его высокого роста, лицо старика пугало мертвенной бледностью, но из-за громадных усов и тени обрезанного цилиндра черт было не разобрать. Здесь следует объяснить, что такие шля-

пы быстро портятся от пота, после чего их обычно отдают в какую-нибудь лавку поношенной одежды, где запачканную часть срезают, а затем уже укороченный цилиндр пришивают обратно к полям. Получается обрезанный цилиндр — совсем как у этого бедного бродяги, у которого шляпа проходила этот процесс, судя по всему, не менее трех раз.

Однажды я уже видела такой цилиндр — морозной зимней ночью, у костра, разведенного для больных нищенок. И точно такую же седую бороду. Только одежда была немного другая. Да, я узнала этого человека — и сердце сильнее застучало у меня в груди. Я замерла в тени большого дуба, боясь, что он меня заметит.

К счастью, он прошел мимо меня на другую сторону улицы, даже не повернув головы. Убедившись, что опасность миновала, я вздохнула с облегчением.

Позвольте, что же теперь?

Седой господин повернул за угол и пошел вдоль ограды из кованого железа, окружающей Уимбрел-холл.

Он уже скрылся из виду, но я осталась стоять в тени. Решив отложить на потом размышления, стоит ли включить его в свой план, я мысленно повторила свои выводы по делу.

Лорд Родни Уимбрел вошел в палату лордов.

Он переживает (возможно, под влиянием Джеффри), что давнее послание, которое так и не дошло до его отца, может всплыть и опозорить доброе имя семьи.

Джеффри намерен управлять карьерой Родни так, как ему заблагорассудится, возможно надеясь на этом нажиться или исключительно ради наслаждения властью.

Поэтому он, не гнушаясь нарушением закона, берет на себя (вместе со своим другом из низших слоев общества) задачу перехватить угрожающее его планам сообщение.

Не найдя сообщения, Джеффри и его напарник похищают миссис Таппер.

Лорд Родни Уимбрел, «приятный, добросердечный джентльмен», скорее всего, расстроен таким поворотом событий, но ничего не предпринимает, поскольку он «печально слабохарактерный».

Возможно, если я, Энола Холмс, поговорю с ним об этом, он...

Тут, как по команде, обнищавший седобородый джентльмен вновь появился из-за угла железной ограды Уимбрелхолла.

Да. Так я и думала.

И все же решила еще немного выждать.

Пожилой зевака, похоже, обошел вокруг участка и теперь, прихрамывая, начал второй круг. Как я и подозревала, уходить он пока не собирался.

Мой страх был вполне оправданным. Как не бояться последствий того, что я собираюсь сделать? Однако когда старик подошел ближе, на душе у меня потеплело, а по лицу расплылась улыбка.

Выпрямившись как солдат и высоко подняв голову, я шагнула вперед и прошла мимо седого бородача, размахивая своей кожаной сумкой, чтобы он точно меня заметил, хотя сама на него не взглянула. Пройдя по освещенной факелами дорожке перед особняком и смело поднявшись на мраморное крыльцо, я постучала в громадную дверь из красного дерева.

Открыв сей портал, дворецкий посмотрел на одинокую, скромно одетую старую деву с большим презрением, чем

если бы перед ним появилось омерзительное насекомое, и ничего не сказал.

— Я желаю видеть лорда Уимбре-ла, — уверенно заявила я и тут же добавила, пока мне не отказали: — И вполне уверена, что он меня примет.

Дворецкий высоко вскинул брови, но моя гордая осанка и благородный акцент слегка изменили его первое впечатление о незваной гостье. Позвольте объяснить, что талантливый актер, такой как мой брат Шерлок — впрочем, и у меня, смею заметить, был определенный талант, — способен легко изобразить говор низшего класса, но выходец из Ист-Энда не может подражать речи аристократа: по крайней мере, насколько мне известно.

Итак, благодаря моему произношению дворецкий снизошел до того, чтобы мне ответить:

— Ваша карточка, мисс?

— У меня нет для вас ни карточки, ни имени, — выдала я заготовленную фразу со всем присущим ситуации драматизмом. — Если вы позволите мне написать и отправить лорду Уимбре-лу записку, он непременно согласится меня принять.

Театральность входила в мой план: я знала, что дворецкие, несмотря на их вечную маску безразличия, не лишены человеческих качеств, в том числе любопытства. Очевидно, ему стало интересно, зачем я пришла, и он пропустил меня в прихожую Уимбрел-холла.

Ошеломительно просторная и холодная, с мраморными полами и стенами, которых было почти не видно из-за лосиных голов, мечей самураев, египетских папирусов, подставок под зонтики в виде слоновьих ног, масляных картин, барельефов с купидонами и других занимательных вещей — ка-

залось, я попала в музей. Ни стульев, ни кресел здесь не было, и дворецкий не предложил мне пройти и присесть в библиотеке. Он оставил меня стоять в прихожей, среди всех этих диковинок, и поспешил за набором для письма.

Я воспользовалась этой возможностью, чтобы изучить корреспонденцию, лежащую на серебряном подносе у входной двери. Среди нее нашлись конверты, подписанные черными чернилами и знакомым мне отрывистым резким почерком.

Отправитель «Достопочтенный Дж. Уэмбрел». Джеффри.

Я еле сдержалась, чтобы не поежиться от страха. Мне вовсе не хотелось с ним встретиться.

Письма от «*Лорда Р. Уэмбрела*» украшал куда более скромный почерк. Вполне возможно, что за Родни как за пэра и члена палаты лордов конверты

надписывал секретарь, а значит, пока нельзя судить о его характере по манере письма.

Заслышав шаги дворецкого, я отошла от подноса и сделала вид, будто изучаю чашки из страусиных яиц.

Он молча подошел ко мне и протянул дощечку для письма, на которой находились бумага хорошего качества, перо, чернильница и уже зажженная свеча. Я нахмурилась.

— Принесите сургуч, — властно приказала я, надеюсь, с должной атмосферой таинственности.

— Какого цвета, миледи? — с сожалением и вызовом спросил дворецкий: с сожалением — потому что обычный воск от свечи вполне подошел бы для того, чтобы запечатать конверт, и слуга понимал, что я показываю свое превосходство над ним, а также потому, что из-за сургучной печати письмо нельзя

будет вскрыть и прочитать перед тем, как отнести хозяину; а с вызовом — потому что цвет нес символическое значение и таким образом он требовал от меня выразить мои намерения.

Однако из «мисс» я превратилась в «миледи».

— Очевидно красного, — ответила я. — Алого, не малинового.

Пусть делает из этого какие угодно выводы.

Дворецкий отправился за сургучом, а я тем временем взяла перо и аккуратным крупным почерком вывела:

Послание для Птицы у меня. Обменяю на миссис Таппер без дополнительных условий. Если откажете, обращусь в полицию.

Оставив его без подписи, я промокнула и сложила письмо, чтобы дворецкий

не успел заглянуть мне через плечо. Забрав у него красный сургуч и подогрев его на свече, я капнула им в центр, и по бумаге расплылось кровавое пятнышко. К сожалению, роскошного кольца с печаткой у меня не было, и я прижала печать ладонью. Когда сургуч застыл, я передала послание слуге.

Он пошел доставлять его хозяину, оставив меня в окружении боевых африканских масок, вырезанных из дерева и уставившихся на меня пустыми глазами.

Ждать пришлось довольно долго. Я даже начала беспокоиться, что просчиталась. Возможно, следовало зашифровать послание в цветах, чтобы произвести большее впечатление? Впрочем, тогда в нем ничего бы не поняли. Если бы лорд Родни знал про цветочный шифр мисс Найтингейл, он — а точнее, Джеффри, его мальчик на побегуш-

ках — догадался бы о важности кринолина.

Жаль, я так мало знала о лорде Родни! Его ли это заурядный почерк? Вполне вероятно — если он и впрямь сильно зависим от Джеффри.

О боже! А вдруг он прямо сейчас советуется с этим негодяем?!

К сожалению, моя страшная догадка оправдалась. Вернувшись, дворецкий молча поманил меня за собой и отвел в полутемную задымленную бильярдную — комнату, в которую не зашла бы ни одна приличная леди, — где у покрытого зеленой тканью бильярдного стола расположились оба молодых Уимбрела.

Глава тринадцатая

Они лениво покуривали сигары и опирались на свои кии — словом, приняли меня настолько невежливо, что я начала переживать, не окажется ли лорд Родни таким же злодеем, как и его младший брат. Их овальные лица с мягкими, симметричными и удивительно приятными чертами несли в себе столько сходства друг с другом, что человек посторонний вполне мог бы принять их за близнецов. Однако я легко опознала каждого из братьев по глазам. Взгляд лорда Родни был искренним и встревожен-

ным, а Джеффри — нечитаемым, как у кобры.

Какое-то время я молчала. Признаюсь, язык меня подвел: от ужаса все заготовленные слова унеслись из головы, как дезертиры с поля битвы. Однако, надеюсь, я все же сумела сохранить гордую, прямую осанку и не опустить головы, встретив их взгляды своим, уверенным и пронзительным, и мое молчание таким образом должно было восприниматься как укор. Также я надеялась, что выгляжу старше своих четырнадцати лет. Обычно в этом мне помогали высокий рост, подкладки под одежду и острые черты лица.

Как только я вошла, лорд Родни отложил кий, вынул изо рта сигару и нервно заговорил:

— Значит, это вы автор анонимной и загадочной записки, смысла которой мы, боюсь, не поняли? Уверяю

вас, миледи, это все нелепое недоразумение.

— Леди? Какая же это леди? — вмешался Джеффри. Голос его звучал безразлично. — Это постоялица.

— Ага! — воскликнула я. Из-за грубости и кошмарных манер Джеффри во мне вскипел гнев, и я наконец нашла в себе силы заговорить: — И вы утверждаете, что вам ничего не известно? Как вы смее пытаться меня обмануть?! — Хотя разозлил меня именно Джеффри, я на него не смотрела и обращалась исключительно к лорду Родни, словно не принимая его младшего брата в расчет — чтобы еще сильнее тому досадить. — Похищение человека — серьезное преступление. Разумеется, полицию и газеты можно подкупить — но не Флоренс Найтингейл. Как она отнесется к вашему поступку? Кому отправит первую же сотню писем? Уверяю

вас, если вы не исправите ситуацию, это непременно дойдет до ее сведения, поскольку она наняла известного детектива — мистера Шерлока Холмса...

— Пустые слова, — отмахнулся Джеффри. — Откуда этой девчонке знать о...

Я резко развернулась к нему:

— Флоренс Найтингейл приняла меня в своей спальне, и вы бы об этом знали, если бы продолжили следить за мной и во второй день, когда я посетила ее дом. И если бы вы не были заняты похищением беззащитной, достойной пожилой дамы...

— В этом нет моей вины! — вскричал лорд Родни таким тоном, который я бы скорее ожидала услышать из уст миссис Таппер. — Я и не предполагал...

— Замолчи! — рявкнул на него Джеффри.

В это же мгновение я одарила лорда Родни уже более ласковым взглядом и добавила:

— Уверена, вы не хотели, чтобы до такого дошло, иначе я не обратилась бы к вам сейчас...

— Чушь! — снова вспыхнул Джеффри. — Он мне сказал достать послание любым путем. Так я и поступил. А теперь не дает избавиться от старухи. Считает, что можно просто взять и отпустить ее — как и тебя, полагаю. Хорошо, что хотя бы одному из сыновей нашего отца досталась сила воли! — И с этими жестокими словами, без всякого предупреждения, будто подколотая змея, он осмелился на меня броситься!

К счастью, нас разделял бильярдный стол, и, чтобы добраться до меня, Джеффри был вынужден его обогнуть. Поэтому я успела достать из

корсета свой кинжал и пригрозить негодяю стальным лезвием в восемь дюймов.

Он замер и молча уставился на меня.

— Вы не посмеете меня тронуть, — процедила я сквозь зубы. — И на то есть две причины. Вот первая. — Я приподняла кинжал, чтобы в свете газовой лампы он блестел опаснее. — А вот вторая: мой брат видел, как я вошла в дом, и ждет меня у ворот.

На мою удачу, эта угроза была правдивой, хотя сложно сказать, какие последствия могла понести за собой встреча с братом. Да, Шерлок Холмс прибыл к Уимбрел-холлу, предположительно руководствуясь теми же умо-заключениями, что и я, однако придя к ним порядком раньше: видите ли, тот седобородый господин, бродивший вокруг дома, и был великим детективом в маскировке.

Я и сама удивилась, когда осознала в этот момент, что могу доверить брату пусть не свободу, но собственную жизнь.

— Если я не появлюсь через разумный отрезок времени, он предпримет необходимые действия, и не сомневайтесь — такого врага никому не пожелаешь.

Повисла тишина, и мы застыли как на фреске: я спиной к стене и с обнаженным кинжалом, Джефффри в двух шагах от меня со злым взглядом, лорд Родни за бильярдным столом — на него я не смотрела, но подозревала, что он заламывает руки.

Все зависело от лорда Родни.

Я наконец вспомнила слова заготовленной речи и обратила их к старшему Уимбрелу, однако по соображением отчаянной необходимости слегка сократила свой монолог.

— Лорд Родни, — спокойно произнесла я, — титул лорда Уимбрела ваш, место в палате лордов ваше, ваше и решение.

Левой рукой я вытащила из потайного кармана платья заготовленный листок бумаги. Нащупав полукруг проволоки, за который он вешался на гвоздь, и убедившись, что держу его не вверх ногами, я, не смея отвести глаз от враждебно настроенного Джефффри, приподняла портрет и повернула его к лорду Родни, бросив ему вызов этим черным профилем.

*«Достопочтенный Сигни Уимбрел,
в Эмбли, лето 1853».*

Профилем его отца.

— Лорд Родни Уимбрел, — продолжила я, — я показываю вам силуэт великого человека. Его может сменить

лишь достойный наследник. Так доколе...

— Глупец, ты чего рот разинул?! Хвати ее кием! — завопил Джефффри.

— ...так доколе вы будете позволять вашему печально вспылчивому брату позорить имя отца?! — договорила я.

Родни никому не ответил, однако я обратила внимание, что он за чем-то потянулся. Похолодев от страха, я положила черный портрет на бильярдный стол, чтобы иметь возможность обороняться обеими руками. Однако лорд Родни взял не кий, а колокольчик для вызова слуги — вероятно, дворецкого.

Тоже высокого, сильного и хладнокровного.

Что же делать?

Дверь бильярдной открылась, и я краем глаза заметила темную фигуру в проеме, однако из-за кровожадного Джеф-

фри не могла повернуться, чтобы лучше ее рассмотреть и проверить, сохранило ли лицо дворецкого свое безразличное выражение.

Мгновения, казалось, тянулись целую вечность, и тишина все сгущалась между нами, но я стояла твердо, гадая, как поступит лорд Родни.

Скорее всего, дворецкий думал о том же самом, но голос его звучал все так же сухо, когда он любезно поинтересовался:

— Вы звали, милорд?

Разумеется, он обращался к лорду Родни, но ответил ему Джеффри:

— Бога ради, Биллингс, позовите лакея и возьмите веревку, чтобы унять эту страхолюдину...

— Молчать! — выкрикнул лорд Родни, и хотя голос у него дрожал, слуга послушался бы именно его. — Здесь я отдаю приказы. Биллингс, прошу вас,

отведите достопочтенного Джеффри в его комнаты и закройте там.

— Что?! — взревел Джеффри и резко развернулся, словно намереваясь наброситься на брата, как незадолго до этого хотел напасть на меня. К счастью, его перехватил Биллингс и заломил ему обе руки за спину. Джеффри кричал и вырывался, стараясь ему помешать, но тут лорд Родни снова позвонил в колокольчик.

— Не стесняйтесь попросить помощи у лакея, — сказал он дворецкому, а затем махнул мне рукой, приглашая следовать за ним, и вышел из бильярдной через другую дверь.

Когда мы очутились в коридоре, он попросил:

— Прошу вас, уберите эту страшную вещь.

Я спрятала кинжал в ножны, но лорд Родни все равно не решился повернуть-

ся ко мне спиной и попросил первой пойти по лестнице — вверх? Я полагала, что меня поведут в гостиную или библиотеку, тихое место, где можно будет спокойно обсудить все условия обмена послания на заложницу. Вместо этого мы поднялись на три этажа, не обмолвившись ни словом. Причем не по узкой лесенке для слуг, а по роскошной главной лестнице, и потому мне не было не по себе оттого, что он шел у меня за спиной, подгоняя, судя по всему, к самой верхушке одной из белых мраморных башен.

Прекрасное место для импровизированной тюрьмы.

Я остановилась и обернулась к лорду Родни.

Он тоже остановился. Его бледное утрюмое лицо выглядело собранным.

— Если вы правда желаете, чтобы я был лордом Уимбрелом, достойным

наследия моего отца, — не то чтобы сильным, но и не слишком неуверенным голосом произнес он, — то должны согласиться мне доверять. Договорились?

В самом деле, какие у меня были варианты? Сбежать и оставить миссис Таппер на волю судьбы? Я замялась всего на секунду, прежде чем ответить:

— Хорошо. Договорились.

Он устало кивнул и подвел меня к узкой темной двери. Достал большой ключ и повернул в замке. Открыв тяжелую дверь, он шагнул в сторону, пропуская меня вперед.

Должна признаться, вошла я не сразу. Я замерла на пороге небольшой комнаты, освещенной газовыми лампами и свечами, при свете которых увидела, не именно в таком порядке, следующее.

Яркие ситцевые занавески.

Кровать на медном каркасе, буквально погребенную под подушками и теплыми одеялами.

Вазу с благоухающими цветками яблони.

Блюдо свежей земляники.

Юную горничную на стуле с прямой спинкой, замершую, сложив руки на коленях, в ожидании поручений.

«Волшебный фонарь» на столе.

Удивительно мягкое на вид кресло.

И в этом кресле, на пухлых подушках, напротив экрана, на котором для пущего развлечения высвечивались объемные картинки, сидела миссис Таппер.

Сложно описать, какие сильные и противоречивые на меня нахлынули чувства: облегчение, от которого подкосились колени, изумление, не к месту возникшее возмущение и нелепая зависть — мне никто не давал свежую землянику и проектор! Я не успела

привести чувства в порядок, поскольку миссис Таппер заметила меня сразу, как только я увидела ее:

— Мисс Месхол!

С пронзительным криком она вскочила на ноги и бросилась ко мне. Я поспешила ей навстречу, боясь, как бы она не упала. Милая миссис Таппер обхватила меня за талию и разрыдалась. Признаюсь, у меня и самой по лицу потекли слезы. Служанка поднялась со стула, присела в реверансе и удалилась, очевидно повинуясь немоту сигналу лорда Родни. Он стоял у входа, дожидаясь, пока буря стихнет, с видом человека, забывшего дома зонтик в дождливый день.

— О, мисс Месхол! — завывала миссис Таппер. — О, мисс Месхол, как я вам рада, ох как же я вам рада, мисс Месхол!

Я погладила ее по голове — она едва дотягивала мне до плеча — и только тогда обратила внимание, что у моей

хозяйки появился новенький белый чепец с лавандовыми лентами и лавандовое платье в придачу. Надеюсь подавить собственные слезы, я усмехнулась и пошутила:

— Вижу, вас тут не обижали.

— Э? — Миссис Таппер вскинула голову будто черепаха и приложила ладонь к уху.

Благодаря этому раздражающе привычному ответу сладкая дымка радостной встречи рассеялась, и я, к счастью, смогла наконец успокоиться. Тяжело вздохнув, я проревела ей в ухо:

— Вы в порядке?!

— О! Да, ему спасибо. — Все еще шмыгая носом, она кивнула на лорда Родни. — Добрый жентельмен, благослови его Хосподь! Самый добрый из всех этих жентельменов, кто хетры носит. А второй — он хочет меня в реку бросить!

— Я никогда в жизни не надевал «хетры», — с мрачной усмешкой отозвался лорд Родни. — А что до «второго» — он на этой же неделе отправится на корабле в Австралию.

Миссис Таппер, разумеется, ничего из этого не слышала.

— Я так испугалась, так испугалась! — восклицала она.

— Бедная вы моя, — ласково произнесла я. Разумеется, миссис Таппер не могла знать, кто из братьев старше, кто младше и кто будет решать ее судьбу. Она никого здесь не знала и вполне оправданно была испуганна. — Ну-ну. — Я бормотала нежные слова, хотя и понимала, что миссис Таппер меня не слышит. Погладив ее по сгорбленной спине, я обратилась к лорду Родни: — Прекрасное решение, сэр. В этих диких местах таланты вашего брата пригодят-

ся куда больше, и там их непременно оценят.

Боюсь, его ответ от меня ускользнул, поскольку ровно в эту минуту я заметила в окне знакомое лицо.

Что, конечно, было просто поразительно, учитывая, что мы находились под самой крышей. И само лицо выглядело презабавно. Острый нос был прижат к стеклу — этаким белым треугольником, окруженный копной спутанных седых волос.

Однако я не подпрыгнула и не закричала, а улыбнулась. Признаюсь, взгляд у меня был насмешливый, поскольку я живо представила, как Шерлок цепляется за каменные выступы. Мне хотелось даже показать ему язык, но лорд Родни, к сожалению, это бы заметил.

Вместо этого я спросила:

— Почему бы нам не спуститься вниз?

— Разумеется, мисс Месхол... Вас ведь так зовут, верно?

На самом деле звали меня вовсе не так, поэтому я сладким голосом ответила:

— Уверена, теперь нет смысла это скрывать.

— Миссис Таппер очень повезло с такой верной постоялицей, мисс Месхол. Прошу, давайте спустимся в гостиную. Выпьете чаю?

— С удовольствием.

Глава четырнадцатая

НА ПЕРЕГОВОРЫ В РОСКОШНОЙ ГОСТИНОЙ ушло какое-то время. Лорда Родни пришлось долго успокаивать. При этом я надеялась потребовать от него денежной компенсации для миссис Таппер, но боялась, что сразу всего добиться не удастся.

— Миссис Таппер не знает ни вашего имени, ни вашего брата, ни кто вы такие, ни где ее держали, разве не так?

Он печально воззрился на мою пожилую хозяйку, которая, умиротворенная горячим чаем и моим присутствием, задремала в синем бархатном кресле.

— Полагаю, что так.

— Не сомневаюсь, вы также заметили ее затруднения в общении.

— Верно.

— Человек она, уверяю вас, совершенно беззлобный. Вернувшись домой — с определенной компенсацией за причиненный ущерб, — она забудет обо всем и никому ничего не скажет. Жители Ист-Энда не любят обращаться в полицию.

— А что насчет вас? Вы угрожали на меня донести.

— Мне необходимо было вас припугнуть. Теперь вы немного меня знаете и понимаете, что я умею хитрить.

— Не совсем. Из нашей встречи я вынес лишь то, что вы вооружены кинжалом.

— Как и любая разумная женщина.

Он с сомнением покосился на меня:

— Нет, вы не обычная женщина.

Боюсь, в тот момент я закатила глаза:

— Я вам доверилась — доверьтесь и вы мне. Если вы обеспечите пожилую миссис Таппер...

— Для себя вы денег не просите? — с подозрением уточнил он.

— Нет, даю слово.

— И Флоренс Найтингейл ничего не скажете?

— Ничего. Не вижу смысла возвращаться в ее гостеприимный дом.

— И вы обещаете, что никаких дурных последствий не будет?

— Никаких.

Точнее, они будут — но только для меня и куда более серьезные, чем он может себе представить: поскольку теперь Шерлок знал про миссис Таппер, я больше не смогу оставаться в ее пансионе и вынуждена искать себе новое пристанище. Впрочем, нельзя отбрасывать и такую возможность, что Шерлок

поймает меня сегодня же вечером — сразу, как только я покину Уимбрел-холл! Он явно меня дожидался: я несколько раз краем глаза ловила его лицо за окном.

С трудом сосредоточившись на разговоре с лордом Родни, я продолжила:

— Вы же понимаете, что лично я не желаю вам зла и глубоко уважаю фамилию Уимбрел. Право слово, я разделяю доброе отношение к вам Флоренс Найтингейл.

Уговоры продолжались довольно долго, но наконец мне удалось умаслить лорда Родни увещеваниями и обещаниями и он передал мне довольно крупную сумму денег — уверена: несмотря на все мои заверения, бедняга считал, что покупает мое молчание. В ответ я достала из сумки синие ленты, вышитые цветами, и протянула их его светлости.

Разумеется, он посмотрел на них в замешательстве:

— Что это?

— То самое послание, — объяснила я. — Вот расшифровка. — Я протянула ему бумаги, на которых карандашом вывела код азбукой Морзе. А затем встала и легонько потрясла миссис Таппер за плечо, чтобы та проснулась. — Теперь нам пора, — сказала я, обращаясь к лорду Родни. — Буду очень вам обязана, если вы одолжите нам карету.

Это было необходимо, чтобы ускользнуть от моего брата — вряд ли миссис Таппер согласится бегать и лазать по деревьям.

— И не подумаю, — жестко произнес лорд Родни таким голосом, словно наконец нашел в себе стержень потомка Уимбрела. И притом ужасно сердитым и недовольным, как будто ожидал чего-то ~~большого~~ большего за озвученную цену. —

Вы никуда не пойдете, пока не объясните мне, что это за вздор.

— Никакой это не вздор! — возмутилась я, невольно повысив голос, чего, пожалуй, делать не следовало. — У меня ушло много времени и сил, чтобы...

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы в эту самую секунду сверху не донеслись жуткий грохот и крики. На лестнице слышались тяжелые шаги, и вскоре перед нами предстал Джефффри Уимбрел, преследуемый двумя лакеями в туфлях с пряжками, чулках, бриджах до колен, красных жакетах и белых париках. «Забавно, почему слуги здесь одеваются как знать прошлых веков?» — подумала я. Это же совершенно непрактично! У одного из лакеев парик съехал набок, а у другого вовсе слетел с головы — так они спешили перехватить младшего Уимбрела. К погоне тут же присоединился

дворецкий Биллингс, громко объявив очевидное:

— Он вырвался, милорд!

Лорд Родни тут же подскочил и понесся к громадному, похожему на музей залу прихожей, в котором я до этого ждала приема и через который его младший брат сейчас спешил к двери. Я тоже выпрыгнула из кресла, чтобы посмотреть, что будет дальше, и миссис Таппер поднялась вслед за мной. С кухни долетали как женские, так и мужские крики. Вскоре все обитатели дома сбежались на шум. словно из ниоткуда образовалась целая толпа.

Два лакея, дворецкий и лорд Родни вцепились в Джефффри, как бульдоги в медведя, но все же не смогли его остановить. Они цеплялись за полы его фрака, хватали за плечи, а он отодвигал задвижки и поднимал крючки. Наконец дверь распахнулась, и...

В ярком свете фонарей на мраморном крыльце возникла высокая, угловатая фигура с лохматыми седыми волосами и седой бородой.

Пожалуй, меня одну это не ошеломило.

И, вероятно, Джефффри. Взбешенный, доведенный до отчаяния, он как будто ни капли не удивился и не замер ни на секунду. Высвободившись, он ринулся к двери, прямо навстречу седобородому гостю.

С таким же успехом он мог побежать навстречу молнии. Высокий джентльмен ловко и быстро нанес ему мощный удар рукой, сделал выпад длинной ногой... Боюсь, мне не под силу описать проведенные им маневры, однако, если верить записям доктора Ватсона, взяты они были из восточного боевого искусства джиу-джитсу. Все произошло мгновенно, и не успела я и глазом моргнуть,

как Джеффри уже лежал на спине, а над ним нависал мой брат. К сожалению, я не могла ни восхититься Шерлоком, ни полюбоваться на изумленные лица присутствующих, ставших свидетелями того, как тощий старик повалил на землю молодого сильного аристократа. Дело в том, что я не осталась наблюдать за происходящим.

Вместо этого я взяла миссис Таппер за руку и повела ее в глубь дома, чтобы выйти через черный ход и незаметно ускользнуть, пока все остальные — а главное, Шерлок — заняты у парадного входа.

Миссис Таппер бежала так быстро, как только могла, но этого все же было недостаточно, поэтому я подхватила свою худощавую, миниатюрную хозяйку на закорки и помчалась по опустевшим коридорам. Безлюдной оказалась и кухня. Через нее мы пробрались

в типичный лабиринт уличных построек — летнюю веранду, сарай с инструментами, собачник, каретный сарай, — а пробежав через них, вышли к воротам заднего двора. Там мы тоже надолго не задержались: ворота предназначались для того, чтобы не впускать чужих, а вот открыть их изнутри не составило труда. Все еще неся миссис Таппер на себе — хотя дыхание у меня уже начинало сбиваться, — я поспешила по узкому переулку.

Уже на улице, под мутным светом газового фонаря, на приличном расстоянии от Уимбрел-холла, я почувствовала себя в относительной безопасности. Опустив миссис Таппер на землю, я оглядела ее на предмет повреждений.

— Вы в порядке? — тихо спросила я, чтобы не привлекать внимания соседей, надеясь, что она сможет прочесть слова по губам.

— Мисс Месхол, — дрожащим голосом произнесла она. В глазах у нее стояли слезы. — Я вам так обязана, я...

— Тсс. — Я отвела взгляд, поскольку в эту минуту до конца осознала, что мне придется покинуть мою милую хозяйку.

И тогда я, Энола, имя которой означает «одинокая», стану совершенно и безгранично одинокой: ведь миссис Таппер — глухая, старая миссис Таппер с ее несъедобными ужинами — отчасти заменила мне мать.

О мама! Где же ты?

Эта мысль тяготила меня, ведь с каждым днем я все больше убеждалась в том, что никогда не увижу родную мать, и меня терзала никак не обоснованная тревога, что она почилла от старости и неграмотные кочевники-цыгане закопали ее в ничем не помеченной могиле.

Энола, прекрати!

С трудом сдерживая слезы, я взяла миссис Таппер за руку и вела за собой по улице, пока нам не встретился кеб.

Там, в уединении салона, я, пресекая все ее протесты, передала миссис Таппер деньги лорда Родни Уимбрела. Мне важно было убедиться, что старость ее будет обеспечена. Миссис Таппер сдалась и спрятала стофунтовые банкноты в платье. А вскоре мы прибыли к ее скромному обиталищу в Ист-Энде и вышли из кеба, но я попросила кучера пока не уезжать.

Оставив миссис Таппер ахать и охать над разнесенным первым этажом, я помчалась в свою комнату — которую уже скоро не смогу назвать своей — и запихнула в саквояж все самое важное и незаменимое: парик, косметические средства и другие необходимые для маскировки предметы, запасной

кинжал, все свои деньги и сделанную вручную брошюрку с шифрами, украшенную акварельными цветами, — последний мамин подарок.

Спустившись вниз со всем этим багажом, я обнаружила, что миссис Таппер — она оказалась сообразительнее, чем я думала, — с печальным выражением лица ждет меня у выхода, прижимая к груди свою драгоценную деревянную шкатулку.

— Мисс Месхол, вы меня тут не оставляйте, я вас прошу, после всего, што тут случилось! — взмолилась она. — Энто мне больше не дом, я тут себя как не в своей тарелке чувствую. Возьмите меня с собой.

Казалось, время, стремительно бегущее по спирали, вдруг замерло, будто резко затормозивший поезд. Взять ее с собой?! Ах, если бы мама взяла меня с собой!

Куда же... как... каким образом...

Я отмахнулась от всех вопросов. К черту все затруднения. К черту также Шерлока и Майкрофта Холмса и любую опасность, которую они для меня представляют. Я не могу оставить миссис Таппер.

Время продолжило свой бег, и я уверенно крикнула:

— Тогда за мной, быстрее!

Ее сморщенное старое лицо разгладилось и просияло. Я взяла миссис Таппер за руку, и мы вместе забрались в кеб.

— Куда теперь, мисс? — спросил кучер.

— Понятия не имею! — бодро ответила я. Впрочем, я уже научилась доверять своему сердцу и интуиции и не сомневалась, что скоро найду решение. — Везите нас на запад.

И мы понеслись в глубь Лондона.

Май 1889

— Я уже не могу вышивать, — качает головой Флоренс Найтингейл с легкой ностальгией, но без сожаления, поглаживая пальцем изящные цветочные узоры на синей ленте — седмичники и круглые розочки. — Пальцы больше не держат иголку.

В самом деле, руки ее давно покрылись мозолями от пера, но письма были куда важнее пустого развлечения. Вот о чем думает некогда известная Леди с Лампой, разглядывая ленты, которые ее посетитель положил на край постеле-

ли. Она поднимает на него безмятежный взгляд и добавляет:

— Вы говорите, лорд Родни Уимбрел пожелал мне их передать. Почему?

Шерлок Холмс стоит подле нее — сесть ему не предложили, поскольку Флоренс Найтингейл не намерена долго его принимать, хотя сама наняла великого детектива.

— Лорд Уимбрел надеется таким образом окончательно уладить этот вопрос и показать, что остается искренне вам предан.

— И также надеется, что я забуду обо всех обстоятельствах?

— Мисс Найтингейл, хотя лорд Родни берет на себя ответственность, виновен здесь его брат Джефффри. А он больше не будет вредить имени Уимбров. Признав, что остальные варианты в разы хуже, лорд Джефффри согласился отплыть в колонии.

— В таком случае я воздержусь от осуждения и буду ожидать духовного развития лорда Родни в будущем.

Флоренс Найтингейл окидывает задумчивым взглядом высокого, стройного, угловатого джентльмена, человека действия, возмутительную вертикаль на фоне умиротворяюще горизонтальной обстановки. В его обращении «мисс Найтингейл» слышатся и любезность, и намек на осуждение. Она не собиралась обсуждать с ним столь же высокую и боевую девушку, однако...

Отбросив вышитые ленты в сторону, Флоренс Найтингейл делает жест рукой, чтобы он садился. Шерлок Холмс опускается на сиденье, и она обращается к нему привычно мягко и ласково:

— Не сомневаюсь, вы гадаете, почему я не попыталась остановить вашу удивительную сестру и помешать ее опасному, опрометчивому побегу. Нет, — до-

бавляет она, заметив, что мистер Холмс нахмурился и вскинул руку в перчатке, показывая, что хочет высказаться. — Позвольте мне договорить. Итак, хотя я не знала, что Эноле — Энола, ведь так ее зовут? — что ей всего четырнадцать лет...

Шерлок все же не выдерживает и, отбросив манеры, вмешивается:

— Не важно, пускай бы ей было и двадцать четыре! Если бы у вас была дочь, разве бы вы ей позволили...

Флоренс Найтингейл перебивает его и спокойно, как бы между прочим, замечает:

— Вы же понимаете, что мы с вашей матерью были знакомы, мистер Холмс?

Очевидно, он этого не понимал, и новость его ошеломила. Нахмутив брови, он смотрит на Флоренс Найтингейл, предположительно больную, но выдающуюся женщину с гладкими чертами

лица, по-старомодному уложенными волосами и в необычном головном уборе.

— Евдория Верне Холмс. Леди, достойная уважения, — продолжает мисс Найтингейл. — Искренне, всем сердцем преданная реформам. Она обратила свой взор на права женщин, я — на страдания раненых и больных. Однако наше взаимное уважение безгранично. Получали ли вы от нее весточку, мистер Холмс?

— Так вам известно, что она пропала? Нет, не получал. — Детектив недолго мнется, а затем добавляет: — А вы?

Ага! Все же мать ему небезразлична.

— Боюсь, что нет. Возможно, она сбежала в Крым? — насмешливо произносит Флоренс Найтингейл, хотя в голосе ее читается забота. — Так вот, мистер Холмс, не в моих правилах сдерживать женщин, даже самого нежного возраста...

Шерлок Холмс подается вперед и взмахивает рукой, словно выполняя прием из джиу-джитсу. Как ни странно, заговаривает он не об Эноле Холмс, а о Евдории.

— Я и мой брат крупно поссорились с матерью. Теперь предмет ссоры кажется глупым и нелепым, — горько объясняет он, ничего не скрывая. — Однако не могло же это послужить причиной...

— Вы не понимаете, — властно, но все так же мягко перебивает его Флоренс Найтингейл. — Очевидно, для нее причина была достаточно веской. Насколько я могу судить, и у вашей сестры была основательная причина для побега. — Мисс Найтингейл делает паузу, но все же решается добавить: — Похоже, она ужасно вас боится.

Детектив не меняется в лице, но мисс Найтингейл понимает, что ее слова его задели. Он сцепляет руки на коленях и опускает взгляд.

Мисс Найтингейл терпеливо дожидается ответа.

— Не могу этого отрицать, — наконец признает Шерлок Холмс. — Однако даже мой развитый ум не позволяет мне понять, откуда взялся этот страх. Я никогда бы ее не обидел, и она, уверен, прекрасно это понимает. Время от времени она проявляла ко мне сестринскую привязанность.

Мудрая сестра милосердия знает, когда лучше промолчать и дать пациенту высказаться. Флоренс Найтингейл выжидает еще немного.

— Мы с моим братом Майкрофтом хотим для нее только лучшего, — продолжает он. — Более достойного образования в приличной школе-пансионе...

— Ах! — Теперь Флоренс Найтингейл все понимает. — Вы пригрозили ей пансионом!

Шерлок Холмс поднимает на нее по-детски растерянный взгляд:

— Позвольте, при чем здесь угрозы...

— Боже мой, неужели ваша мать ничего вам не рассказывала?! — Впрочем, его невежество было присуще всем представителям мужского пола. — В школе-пансионе девушка из высшего общества страдает не меньше, чем заключенный в тюрьму преступник, к тому же приговоренный к тяжелой физической работе. Жестокий режим приводит к серьезным травмам, болезням и порой даже смерти.

Великий детектив разевает рот, очевидно проглотив язык от удивления.

— Мой дорогой, — ласково продолжает Флоренс Найтингейл, — простите меня за излишнюю прямоту и, пожалуй, даже грубость, но я уже стара и потому смею говорить то, о чем другие умалчивают: даже в тисках леди чувствовала

бы себя комфортнее, чем в туго затянутом корсете.

Слово «корсет» никогда не всплывает в приличном обществе, тем более в беседе разных полов, и, услышав его, мистер Холмс поднимает руки в знак протеста, а его бледное лицо заливают краска. Но Флоренс Найтингейл не отступает.

— Почему, вы думаете, модницы то и дело падают в обморок? — с вызовом произносит она. — Почему леди умирают от любой, даже самой безобидной болезни? И что уж говорить о родах! Некоторые чахнут и увядают, не успев достичь детородного возраста! Все потому, что заковывать женщину в корсет ни на йоту не гуманнее традиции «ножки лотоса» в Китае, где ноги бинтуют и уродуют с самого детства! Это вред не только удобству, но и здоровью... Неудивительно, что сестра вас боится.

Она всего лишь пытается спастись от верной гибели в школе-пансионе.

— Но... не может же все быть так плохо, как вы говорите! — восклицает Шерлок Холмс. — Традиция... изящество... многие поколения леди через это прошли...

— Позвольте, многие солдаты прошли через войну и выжили — почему бы не привести такое сравнение? Оно соответствует вашей логике, — парирует Флоренс Найтингейл. Впрочем, в ней тут же просыпается инстинкт дипломата, человека, которому всю жизнь приходилось иметь дело с властными особами мужского пола, и она переводит разговор в иное русло. — У меня нет и не было детей, однако была сестра, и потому я могу понять ваши чувства. Возможно, миссис Таппер вам скажет, где она?

Пианино из музыкальной комнаты разливается волшебной музыкой Бет-

ховена, и хотя ни великий детектив, ни великий реформатор не видят сейчас миссис Таппер, они знают, что она сидит совсем рядом с инструментом, замороженная и счастливая, поскольку отлично слышит мелодию.

Шерлок Холмс мрачно усмехается и откидывается на спинку кресла.

— Нет, от миссис Таппер ничего не добьешься, и Энола наверняка прекрасно это понимает. Какая поразительная наглость! — восклицает он со смесью восхищения и раздражения. — Она не перестает меня удивлять. Отправилась сюда, буквально за квартал от Уимбл-холла, когда я еще продолжал поиски, привела эту пожилую даму, как будто ее здесь ждали...

— Я в самом деле рада, что могу окружить бедняжку заботой в старости, — любезно вставляет Флоренс Найтингейл.

— Разумеется, это очень мило с вашей стороны, — резко отвечает детектив, но тут же смягчает тон. — Вы же пошлете за мной, если моя сестра придет ее навестить?

Флоренс Найтингейл пропускает вопрос мимо ушей:

— Насколько я знаю, у вас есть старший брат.

— Да. Майкрофт.

— Тоже холостяк, живет в уединении, мизантроп, убежденный женоненавистник?

Шерлок Холмс хмурится. Откуда ей столько известно?

— В свою защиту скажу, что не имею над ним влияния.

— Однако, мистер Холмс, в вашей семье он главный. Что до вашего вопроса — как же я узнаю, если мисс Энола сюда придет? Ведь я никогда не выхожу из спальни, — сладко произнесла Фло-

ренс Найтингейл, невинно распахнув глаза.

Шерлок Холмс, также наделенный инстинктом дипломата, чувствует, когда разговор подходит к концу. Ничего больше не добавляя, он поднимается, берет огрубевшую руку Леди с Лампой и кланяется.

— Был рад встрече, мисс Найтингейл. Если мои услуги вновь вам понадобятся, прошу — смело обращайтесь.

Однако мысли у него отнюдь не радостные. Проходя мимо миссис Таппер, расположившейся у пианино в кресле-качалке, он думает о том, что Энола непременно придет навестить старушку. Если попросить своих помощников, уличных ребятишек, наблюдать за домом, рано или поздно можно поймать сестру — хитрую, умную, неуловимую...

А что потом?

Возможно ли, что Флоренс Найтингейл сказала правду, как бы горько и пугающе эта правда ни звучала?

Если бы мама была здесь, сказала бы она то же самое?

Проклятье! Неужели великий детектив, знаменитый на весь мир своим интеллектом, жалеет, что не может спросить совета у матери, к которой еще год назад ни за что бы не прислушался?!

Матери, которую не способен отыскать?

Черт побери! И почему эта эксцентричная дама сбежала? Почему сбежала сестра, почему скрывается до сих пор? Возможно — человеку действия сложно это признать, но возможно, — его подход был ошибочным?

Он думал, что желает Эноле только лучшего.

Однако, выходя из гостеприимного дома Флоренс Найтингейл, великий де-

тектив впервые задает себе вопрос, как действительно будет лучше для Энолы. Пансион, образование, уроки хороших манер, представление к высшему обществу, подготовка к свадьбе — пускай все это ожидаемо и предписано традициями, принесет ли такая жизнь счастье Эноле?

Международная азбука Морзе

А • —	К — • —	Ф • • — •	1 • — — —	. • • • • •
Б — • • •	Л • — • •	Х • • •	2 • • — —	, • — • — •
В • • —	М — —	Ц — • • •	3 • • — —	; — • • — •
Г — — •	Н — •	Ч — — — •	4 • • • —	: — — • • •
Д — • •	О — — —	Ш — — — — —	5 • • • •	? • • — • •
Е •	П • — •	Щ — — • —	6 — • • • •	! — — • • —
Ж • • • —	Р • • •	Ь, Ъ — • • —	7 — — • • •	— • • • • —
З — — • •	С • • •	Ы — • • —	8 — — — • •	« • — • • •
И • •	Т —	Э • • — • •	9 — — — — •	(— • • — • —
Й • — — —	У • • —	Ю • • • —	0 — — — — —	/ — • • • •
		Я • — • —		

От автора

Я СТАРАЛАСЬ ДОСТОВЕРНО ДОНЕСТИ ВСЕ факты, касающиеся Крымской войны и Флоренс Найтингейл, однако нет никаких свидетельств того, что Флоренс Найтингейл передавала тайные сообщения, и ее цветочный шифр выдумала я сама. После войны знаменитая сестра милосердия провела остаток жизни в постели. Никто не знает наверняка почему, и вопрос этот горячо обсуждается. Поскольку правда навсегда останется покрыта тайной, я взяла на себя смелость по-своему интерпретировать болезнь мисс Найтингейл. Местоположение ее дома я не меняла — она в са-

мом деле жила в Мейфэре, в особняке с видом на Гайд-парк. Однако здание не сохранилось, и его описание в книге — целиком и полностью плод моего воображения. Кроме того, хоть Флоренс Найтингейл действительно принимала активное участие в политике и делах королевского двора и имела огромное влияние, лорд Уимбрел из этой истории и его сыновья — вымышленные персонажи.

Оглавление

Глава первая	15
Глава вторая	34
Глава третья	50
Глава четвертая	64
Глава пятая	76
Глава шестая	90
Глава седьмая	105
Глава восьмая	120
Глава девятая	136
Глава десятая	152
Глава одиннадцатая	169
Глава двенадцатая	187

Глава тринадцатая	202
Глава четырнадцатая	221
Май 1889	235
Международная азбука Морзе	250
От автора	251

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа

Для среднего школьного возраста
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

Спринггер Нэнси
ЭНОЛА ХОЛМС И ЛЕДИ С ЛАМПОЙ
(орыс тілінде)

Руководитель направления *Т. Суворова*
Ответственный редактор *И. Юкио*
Литературный редактор *Е. Остроумова*
Художественный редактор *В. Безкровный*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *В. Никитина*
Корректор *Е. Холявченко*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы
Соответствует техническому регламенту ТР ТС 007/2011
КО ТР 007/2011 техникалық регламентіне сәйкес келеді

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндiрушi: «ЭКМО» АҚБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 пәймәрат, 20 қабат, офис 2013 ж.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісi: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо» www.eksmo.ru/certification

Өндiрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 27.12.2021. Формат 84x108¹/₃₂.

Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная. Бумага офсетная пулая. Усл. печ. л. 13,44.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ 6739.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123306, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, строение 1.

Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде

Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»

Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге

Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»

Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@azko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург

Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш

Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»

Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростов-на-Дону

Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А

Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирск

Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3

Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровск

Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703

Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006

Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-hkv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»

Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Сиз энд Ся»

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске

Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92

Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: eksmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»

Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»

Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербова, 17а

Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в ювелирных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitalai-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
"ЭКСМО-АСТ"

ISBN 978-5-04-100335-7

9 785041 003357 >

ЕАС

